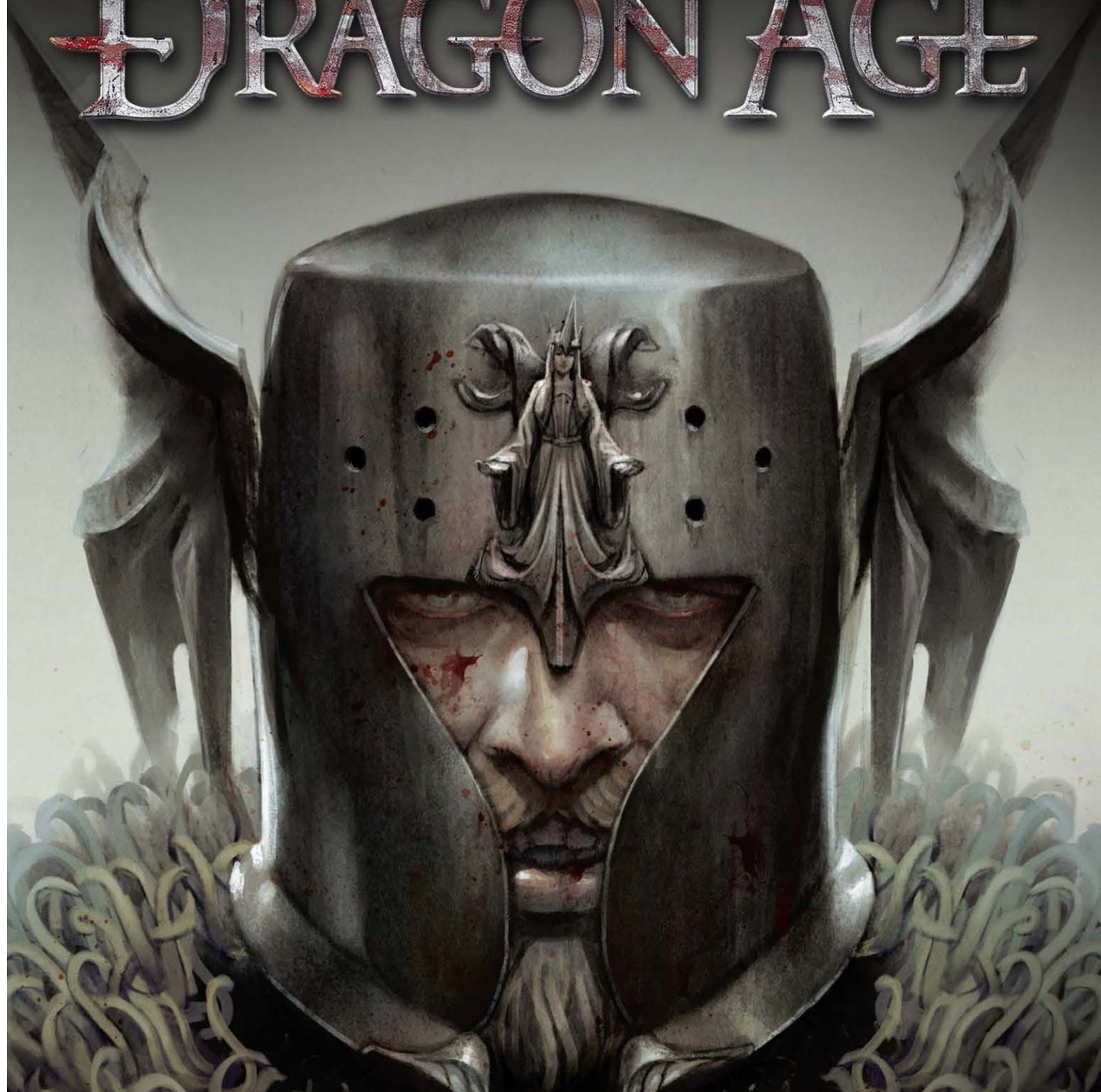

BioWare™

DRAGON AGE™

ДЭВИД ГЕЙДЕР

МАСКА ПРИЗРАКА

Dragon Age

Дэвид Гейдер

Маска призрака

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Гейдер Д.

Маска призрака / Д. Гейдер — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Dragon Age)

ISBN 978-5-389-15983-9

«Dragon Age» – популярная компьютерная игра в жанре темной фэнтези, завоевавшая множество наград. После гибели Круга магов в Тедасе воцарился хаос. Одни маги близки к бунту против своих неусыпных сторожей – ордена храмовников, другие борются за сохранение стабильности под неумолимым натиском перемен. В величественной башне Белый Шпиль, средоточии власти храмовников в Вал Руайо, этот конфликт достигает наивысшего накала. И тогда Искатели из секретного и весьма могущественного подразделения ордена решают взять власть над башней в свои руки, чтобы восстановить – не важно, какой ценой, – прежний железный порядок. В довершение худшего по ярусам Белого Шпиля рыщет таинственный убийца, невидимый для всех, кроме одного-единственного мага. Поскольку Рис и есть тот самый маг, он становится главным подозреваемым. Доказать свою невиновность он не в силах, зато умение общаться с духами дарует ему отсрочку приговора: предстоит рискованный поход в угрюмые пустоши на западе Орлея. В этом путешествии судьба Риса тесно сплетется с судьбами одной прекрасной храмовницы, некоей неприкаянной души и Винн – героини войны с Мором. Вместе им предстоит раскрыть тайну, которая навсегда решит участь всех магов Тедаса.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15983-9

© Гейдер Д., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дэвид Гейдер Маска призрака

David Gaider

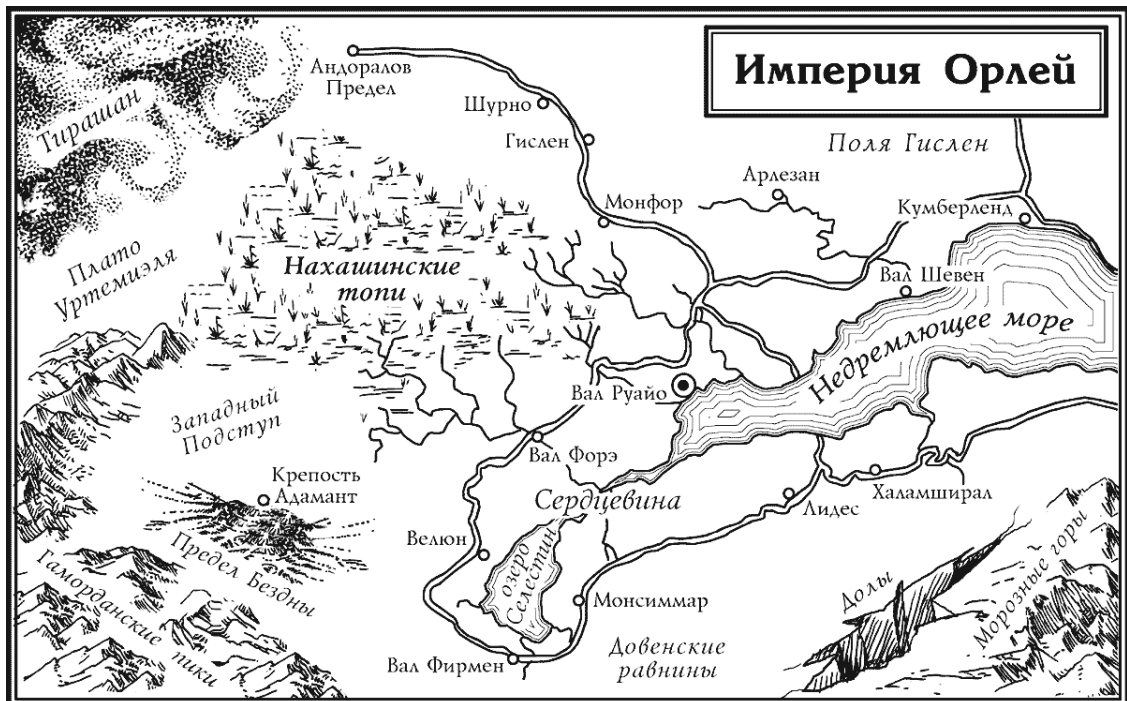
Dragon Age: Asunder

Text Copyright © 2011 by Electronic Arts, Inc.

© Т. Н. Кухта, перевод, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

«Я – Призрак Башни».

Отделаться от этой неприятной мысли Коулу не удалось. Говорят, что призраков не существует, что мертвецы никак не могут пребывать среди живых, – и все равно некоторые люди верят в привидения. Верят, что душа умершего может заблудиться на пути к трону Создателя и обречена будет вечно скитаться в мире теней.

Коул отнюдь не мертв... однако же не существует – и в то же время пребывает среди живых.

Как-то раз ему довелось подслушать, как двое магов – пускай даже сами того не подозревая – говорили о нем. Коул обнаружил эту парочку в одном из темных коридоров Белого Шпиля. В этом громадном строении было множество таких вот укромных уголков, где маги частенько прятались от бдительного ока храмовников, – и Коул знал все эти места наперечет.

О самих магах ему было известно куда меньше. Одно, впрочем, наверняка: тайком выбравшись из своих покоев, они здорово рисковали. Местные храмовники не отличались снисходительностью, и почти все они были твердо убеждены, что маги постоянно затевают заговоры, дабы призвать в мир некий невообразимый ужас... в то время как истинная причина чаще оказывалась куда заурядней. Конспиративные беседы магов состояли в основном из обычных сплетен. Маги шепотом делились тайнами – порой то была досужая болтовня о чьих-то любовных шашнях, но иногда и более серьезные разговоры о том, что маги знали точно, но не смели обсуждать прилюдно. Время от времени Коулу случалось наткнуться и на парочки, ускользнувшие от надзора по более романтичному поводу. Прижавшись друг к другу, они предавались тайным любовным ласкам с лихорадочной жадностью людей, которым лишь изредка удается урвать минуту уединения.

Двух магов, которые говорили о нем, Коул обнаружил случайно – проходя мимо в сумраке, расслышал их шепот. Один шептун оказался девушкой – некрасивой, с длинными соломенно-желтыми волосами. Ее собеседником был тощий юнец-эльф. Обоих Коул знал, правда только в лицо. Ученики-переростки из тех, чей магический дар более чем скромнен, у кого чересчур затянулась подготовка к неизбежному финалу ученичества. Недалек тот час, когда храмовники призовут этих двоих на Истязание, и больше Коул их не увидит... или же встретит в чертогах Башни Усмиренными – живыми куклами, которых лишили магических способностей и обрекли на покорное служение своим учителям.

Коул помнил, какой смертельный ужас застыл в их глазах. На щеке некрасивой девушки лиловел внушительных размеров синяк, который уже понемногу начинал блекнуть. Затаившись в своем укрытии, маги настороженно высматривали, не появится ли поблизости стражник, и вздрагивали при малейшем шорохе. Даже от дробного топота лапок пробежавшей мимо крысы оба мага подпрыгнули как ужаленные, но все же не бросились наутек.

Впрочем, хоть они и были настороже, но о приближении Коула даже не подозревали. Правда, ничего иного он и не ожидал. Подойдя совсем близко, он остановился рядом и подался вперед, прислушиваясь к разговору.

– Говорю тебе, я его видела! – упорствовала девушка, и голос ее вздрагивал от волнения. – Я как раз шла по нижним коридорам, за книгой для чародея Гарлена, и вдруг гляжу – он!

– Призрак, – хмыкнул эльф, не скрывая скепсиса.

– Стало быть, драконы существуют, а призраки – нет? – возмутилась та. – Церковь не всеведуща! В Тени есть такое, о чем они даже представления не...

– Это мог быть демон, – перебил эльф.

Девушка тотчас осеклась, и лицо ее побелело от страха.

– Но... он даже не попытался заговорить со мной! Мне кажется, он вовсе меня не видел. Я подумала было, что это сторонний посетитель заблудился, бывает... но когда я свернула за угол, он просто исчез!

Молодой эльф нахмурился и понизил голос до шепота, который даже Коулу нелегко было разобрать:

– Забыла, чему нас учат? Когда демон является магу, вначале он кажется совершенно безобидным. Прикинется чем-то занятным, а уж потом, когда примется за его душу...

Девушка обеспокоенно сжала губы, невидяще глядя перед собой. Сейчас она смотрела прямо сквозь Коула, но у него мелькнула лишь одна мысль: «Неужели она и вправду меня видела?»

Юноша-эльф тяжело вздохнул, обнял собеседницу и привлек к себе, нашептывая успокоительные слова. Дескать, он ничего такого не имел в виду, просто напомнил... может быть, она и права. Девушка безмолвно кивала, сдерживая слезы.

– Как он выглядел? – спросил наконец эльф.

– Подлизываешься?

– Нет, я серьезно спрашиваю. Может, это был храмовник?

– Думаешь, я еще не знаю наперечет всех храмовников в башне? Некоторых даже ближе, чем хотелось бы. – С этими словами она потрогала синяк на щеке.

Эльф помрачнел, но ничего не сказал.

– Нет, на нем не было ни доспехов, ни мантии. Обычный парень, немногим старше тебя. Волосы растрепанные... светлые, кажется. Кожаная куртка и давно не стиранные штаны. Его встречали и другие и описывали точно так же.

– Может, это был рабочий из тех, что трудятся в подземельях.

– Когда это там в последний раз были рабочие?

Эльф явно растерялся, пожал плечами:

– Да знаю, просто...

– Я подошла так близко, что разглядела его глаза. – Девушка сдвинула брови, сосредоточенно вспоминая. – Знаешь, он был так печален... словно заблудился там. Представляешь?

Она содрогнулась, и эльф ободряюще ухмыльнулся:

– Так вот он какой, зловещий Призрак Башни. Теперь тебе будут завидовать.

Девушка слабо улыбнулась в ответ:

– Об этом, наверное, лучше никому не рассказывать.

– Да, пожалуй.

Они пробыли в укрытии еще некоторое время, и Коул тоже не спешил уходить. Он надеялся услышать продолжение разговора о том, что видела девушка, однако этого не произошло. Парочка просто держалась за руки в темноте, вслушиваясь в приглушенные звуки песнопений, которые доносились далеко сверху, из башенной часовни. Затем полуночная служба закончилась, наступила тишина, и маги с видимой неохотой вернулись в свои спальни.

Коул не последовал за ними. Взамен он устроился на месте, где сидели молодой эльф и девушка, и позволил тишине накрыть его с головой. Коул знал, что он не демон. Он никогда прежде не видел демона, не говорил с демоном – по крайней мере, насколько мог судить, – но все-таки считал, что подобное невозможно. Разве что удастся быть демоном и самому об этом не подозревать. Но вот призрак ли он? На этот вопрос Коул не мог ответить с той же уверенностью.

Он помнил, как впервые появился в башне. Как и всех других магов, его, охваченного ужасом, приволокли сюда грубые руки храмовников. Коул понятия не имел, где находится это странное место, не знал даже, как долго они добирались сюда. Большую часть пути он провел с завязанными глазами и без сознания, и безжалостные люди, схватившие его, не желали ничего ему объяснять. Коулу оставалось только предполагать, что его хотят убить.

Он помнил и то, как его гнали по темному коридору, почти безлюдному, если не считать редких учеников, спешивших убраться с дороги храмовников. Многие из них при виде Коула отводили глаза, и это лишь подхлестывало охвативший его страх. Тащат в темницу, в черную яму, откуда нет возврата, а все лишь потому, что он – маг. Именно так, отрывисто и злобно, окликали его храмовники, когда им нужно было зачем-либо к нему обратиться. Маг. До того дня Коул и помыслить не мог, что это слово может относиться к нему. Раньше он слышал его только из уст церковников, и означало оно того, кто был проклят самим Создателем.

А теперь и он, Коул, оказался одним из них. Проклятым.

Его бросили в камеру. Он валялся, тихонько поскуливая, на сыром каменном полу. Думал, явятся его бить, но никто так и не пришел. Вместо этого дверь камеры с оглушительным лязгом захлопнулась, и вначале Коул этому даже обрадовался... но едва храмовники ушли, радость испарилась. Его бросили в темноте совершенно одного, если не считать крыс. Эти невидимые твари шныряли вокруг узника, покусывали его острыми, точно бритва, зубами. Коул попытался уползти от них, но деваться там было некуда и делать нечего – разве что сжаться в комок и молиться.

И в той камере, в холоде и безмерной пустоте, Коул молился о смерти. Все лучше, чем дожидаться, когда вернутся храмовники, и чем гадать, какие новые муки они измыслили для него. Жрецы говорят, будто маги притягивают демонов и те превращают магов в ужасных чудовищ, одержимых... но Коул не в силах был представить себе монстров ужаснее, чем сами храмовники. Даже зажмурившись, он не мог изгнать из памяти их безжалостные взгляды.

Коул не хотел быть магом. Не желал узнавать, что бывает с тем, кто вдруг оказался магом, да и сама мысль о магии не пробуждала в нем ни малейшего восхищения. Вновь и вновь он пылко молился Создателю, прося избавить Его от этого бремени. Взывал, пока совсем не охрип; просил, чтобы храмовники вообще забыли о его существовании.

И сбылось по слову его. Храмовники и вправду о нем забыли.

Быть может, он так и умер, заброшенный, там, во тьме. Быть может, именно так и появляются призраки – те, кто скончался, но не пожелал с этим смириться. Так они и влачат существование в мире живых, который их отторгает.

Коул крепко зажмурился. «Создатель Всевышний, – подумал он, – если я и вправду мертв, дай мне знак. Неужели Ты не хочешь, чтобы я, как говорят все жрецы, восседал у подножия Твоего? Не бросай меня здесь, Создатель».

Ответа не было. Впрочем, как и всегда.

Если Коул мертв, с какой стати он по-прежнему нуждается в сне? Почему он продолжает испытывать голод, потеет, дышит? Мертвецы ничего такого не делают. Нет, как бы его ни называли, он вовсе не призрак и не демон.

Только это отнюдь не значит, что он – настоящий.

Высоко над ним, в Белом Шпиле, кипела жизнь. Там много ярусов, полно просторных залов и солнечного света. Коул забредал туда редко. Ему гораздо уютнее было здесь, внизу, посреди всего того, о чем храмовники, как и о нем, забыли – предпочли забыть. Подземная часть уходила глубоко, и в этих подземельях Коул был как дома.

Первые ярусы подземной части башни были вполне безобидны. Здесь располагались кухонные кладовые, а также оружейные – громадные помещения, битком набитые оружием и доспехами, которых хватило бы снарядить целое войско храмовников. Ниже размещались архивы – бесконечные комнаты с книгами, которые предпочитали не хранить наверху, в библиотеках.

Тут были труды не только по магии, но также по музыке и философии, книги на давно забытых языках и даже запрещенные, которые содержались под семью замками. Обыкновенно в архивах не было ни души, однако порой Коул наткнулся на какого-нибудь мага, долгими часами читавшего при свете свечей. Коул никогда не мог понять, чем так привлекают магов

слова и картинки. Для него самого книги были всего лишь пожелтевшей от старости бумагой, и не более того.

Куда интересней казались ярусы, которые начинались ниже архивов. Старейшая часть башни в обиходе называлась Ямой, и редкий смельчак – если не считать Коула – решался углубиться в ее недра. Там, внизу, тянулись затопленные туннели, которые еще в незапамятные времена заложили кирпичом, и теперь стены крошились и осыпались, брошенные на произвол судьбы. Шаткие лестницы приводили к старинным складам – в одних не осталось ничего, кроме густой пыли, в других до сих пор хранилась диковинного вида рухлядь. Громадная усыпальница высилась словно безмолвное напоминание о храмовниках, умерших многие столетия назад, и над мраморными гробницами стояли изъеденные временем изваяния давно забытых героев. Коул находил клады, чьи владельцы давным-давно ушли в небытие, бродил по сумрачным туннелям, которые кругами опоясывали Яму, либо обрушились, либо даже уводили в городские катакомбы. Знал ли кто-нибудь наверху об этих потайных ходах?

Коул изучил Яму как свои пять пальцев – всю, кроме того, что располагалось в самом ее сердце. Там были темницы, бесчисленные ярусы бессчетных камер. Много больше, чем могло понадобиться храмовникам, гораздо больше, чем использовалось ими сейчас. В самых древних обитали лишь беззвучные стоны замученных душ, навсегда впечатавшиеся в холодный камень. От них Коула бросало в дрожь. Он избегал темниц и появлялся там лишь при острой необходимости. Только в случае крайней нужды.

Как сейчас.

Факелами в темницах не пользовались – их заменяли свет-камни в стеклянных колбах. Сияние, которое источали такие лампы, колебалось и дрожало, словно пламя факелов, но было при этом холодного голубого цвета. Коул точно знал, что тут замешана магия – проходя мимо, он всякий раз кожей чувствовал ее вкрадчивое дуновение. Впрочем, и подобных светильников здесь было раз-два и обчелся. Только для того, чтобы стражники могли подсветить себе дорогу.

В темницы вел один-единственный вход – чудовищно длинный коридор со сводчатым потолком и множеством железных ворот, которые можно было захлопнуть в мгновение ока. Того, кто в этот миг оказался меж створок, насквозь пропороли бы шипы, выскочившие из отверстий в стенах. Минувя эти устройства, Коул внутренне содрогался. Здесь, в темнице, таких смертоносных ловушек было немало. Храмовники предпочитали скорее прикончить беглеца, нежели упустить, и старинные следы пламени на стенах красноречиво напоминали о неудачниках.

По другую сторону этого коридора размещалась одна на все темницы кордегардия – незамысловатая клетушка со столиком и парой кресел. Коул разглядел откупоренную бутылку вина и тарелки с выстывшими остатками ужина. На крюке, вбитом в стену, висел плащ, а под ним на полу лежали два измазанных грязью шлема. В кордегардии не было ни души, внутренние двери распахнуты настежь. Стражники, должно быть, скрывались в глубине.

Коул нерешительно ступил в темницу. Тотчас же в ноздри ему ударил острый запах страха – и застарелого, и совсем свежего. Здешние камеры использовались часто. Коул точно не знал, сколько узников здесь было сейчас, но мог сказать с уверенностью, что уж один имелся наверняка. Из глубины коридора доносилось испуганное хныканье.

А еще – смех и праздная болтовня двоих мужчин. Их голоса эхом отдавались в коридоре. Коул крадучись продвигался вперед, пока не различил блики голубоватого света. Два храмовника в доспехах стояли перед распахнутой дверью камеры. Один из них держал в руке лампу со свет-камнем. Оба стражника были без шлемов, и потому Коул сразу узнал обоих. Как их звать, он понятия не имел, да и вообще почти не знал имен храмовников, зато помнил, что эти двое – безжалостные преследователи магов, из тех храмовников, которые так долго пробыли в ордене, что если в них когда-то и жило некое подобие милосердия, то оно давным-давно истлело.

– Смотри в оба, – предостерег Лампоносец. – Эта девка умеет вызывать огонь.

Второй стражник, которого Коул мысленно прозвал Большеносым, пренебрежительно фыркнул:

– Да пускай только попытается.

Из камеры донесся тихий жалобный плач. Лампоносец закатил глаза и отвернулся:

– Это вряд ли. Когда мы ее брали, она уже не особо сопротивлялась... а уж сейчас и вовсе скисла.

– Хм. Думаешь, она пройдет Истязание?

– Да пожалуй, лучше бы не прошла. Для ее же блага.

Безнадежный плач стал громче, и стражники обменялись понимающими взглядами. Большеносый пожал плечами, с грохотом захлопнул дверь камеры и стал рыться в увесистой связке железных ключей, пока не отыскал нужный. Замок защелкнулся со зловещим лязгом.

Храмовники разом развернулись и двинулись в сторону Коула, перешептываясь на ходу. Один из них отпустил какую-то шутку, за ней последовал бессердечный гогот. Коул не тронулся с места и, беспокойно затаив дыхание, следил за приближением стражников. Впрочем, когда они оказались рядом, произошло то же, что и всегда: храмовники просто обошли его, сами не сознавая, что делают. Коул всякий раз не был уверен, что так будет, и едва ли не ждал, что кто-то его увидит. Даже почти надеялся, что это произойдет.

Связку ключей он снял с пояса Большеносого, когда тот проходил мимо.

Затем стражники удалились. Они унесли с собой лампу, единственный источник света в темнице, и теперь вокруг воцарилась кромешная тьма. Коул медленно выдохнул, дожидаясь, когда отзвуки шагов окончательно стихнут вдалеке. Из-за двери камеры по-прежнему доносилось жалобное всхлипывание. Где-то неподалеку размеренно стучали по камню капли воды. Крысы попискивали, выбираясь из дыр в стенах. Только из соседних камер не доносилось ни звука. Если там и были узники, они либо уснули, либо впали в забытье.

Надо идти. Коул попытался принудить свои ноги двигаться, но те не шелохнулись. Ему чудилось, что он бесплотен, словно соткан из той же зыбкой материи, что и тьма, и стоит ему сделать шаг, как он навеки растворится в этой тьме. Коула охватила паника, сердце неистово заколотилось в груди, по лицу потекли ручейки пота.

«О нет! – ужаснулся он. – Не сейчас! Только не сейчас!»

И протянул руку к стене. В глубине души Коул страшился, что рука сейчас просто пройдет сквозь твердь, что он пошатнется, упадет... и будет лететь вечно. Падать и падать все ниже... и единственный последний вскрик его канет бесследно в черное ничто. Однако же... его рука коснулась тверди. Восхитительного прохладного камня. Коул благодарно выдохнул и прижался лицом к стене, всей кожей ощутив ее леденящую шершавость.

Дыхание его понемногу выровнялось. Он дрожал всем телом, но... он пока еще существовал.

Еще не поздно.

Пошарив в кармане, Коул извлек небольшой холщовый сверток. И бережно развернул, выпустив на волю лазурное сияние свет-камня. Для того, что сейчас произойдет, ему понадобится свет.

После нескольких неудачных попыток он наконец обнаружил ключ, которым храмовник запирает камеру. Ключ бесшумно провернулся в замке, и вот лязгающий скрежет возвестил, что дверь отперта. Коул замер – рыдания, доносившиеся из камеры, мгновенно стихли. Не трудясь выяснить, услышали ли стражники звук, он толчком распахнул дверь и вошел в камеру.

Сияние свет-камня озарило крохотное, заросшее грязью помещение. Всей обстановки здесь было одно-единственное ведро, а в углу скорчилась девчонка в грязных лохмотьях, заляпанная высохшей кровью. Она закрывала лицо руками, и черные волосы, слипшиеся от пота, болтались, словно мокрые веревки.

Долгое время Коул ничего не предпринимал – стоял, переступая с ноги на ногу, и наблюдал за девчонкой. Затем он присел на корточки, а свет-камень положил рядом на пол. Зыбкое сияние камня замерцало сильней, и от-того по стенам камеры неистово заплясали тени. Даже сквозь густую вонь, царившую в камере, Коул чуял запах, исходивший от девчонки, – запах обильного пота и блевотины. Та дрожала всем телом: наверняка решила, что он пришел ее мучить. И потому Коул просто ждал.

Наконец поверх ладоней, закрывавших лицо, глянули покрасневшие от слез глаза. Девчонка оказалась хорошенькой, вернее, прежде была симпатичной. Теперь она выглядела изможденной, измученной тем, что ей довелось испытать, прежде чем попасть сюда. От сияния свет-камня девчонка заморгала, и ее непонимание боролось с безумным страхом. Она уставилась на Коула, и он ответил таким же пристальным взглядом.

– Ты меня видишь, – проговорил он с безмерным облегчением.

Девчонка взвизгнула, будто ее ударили, и отпрянула, пытаясь отползти от него как можно дальше. словно загнанный зверек, она, тяжело дыша, вжалась спиной в угол камеры. Грязные пальцы скребли стену, словно узница таким образом надеялась просочиться сквозь камень. Коул терпеливо дожидался, когда она прекратит эти безнадежные попытки и снова взглянет на него.

– Ты меня видишь, – повторил он, на сей раз куда увереннее.

– Я не хотела их жечь! – задыхаясь, прошептала девчонка. – Огонь сам сорвался с моих рук, а как это вышло – я даже не знаю... Все случилось так быстро, я хотела их предостеречь, но...

Она крепко зажмурилась, и по замурзанному лицу покатались слезы. Девчонка дрожащей рукой смахнула их, еще больше размазав грязь.

Коул ждал. Наконец рыдания стихли, и девчонка вновь поглядела на него, на сей раз более настороженно. Он все так же сидел перед ней на корточках и заметил, что теперь в ее глазах блеснуло любопытство.

– Так ты маг? – спросила она. – Мне сказали, что за мной придет маг.

Он поколебался, но все же ответил:

– Нет.

– Тогда... кто ты такой?

– Меня зовут Коул.

Такой ответ девчонку, похоже, не устроил. Она выжидающе смотрела на Коула, однако он молчал.

– Но... если ты не маг, то что ты здесь делаешь? – наконец спросила она. – И что тебе нужно от меня?

– Я здесь потому, что ты меня видишь.

С этими словами Коул сунул руку под кожаный жилет и извлек из ножен кинжал. Изукрашенный резьбой клинок был снабжен бронзовой рукоятью, искусно выточенной в форме драконьей головы. Лезвие кинжала сверкнуло в голубом сиянии свет-камня, и девчонка вперила в него безмерно изумленный взгляд.

– Я почуял это, едва тебя доставили сюда, – продолжал Коул. – Я знал, что ты меня увидишь, еще до того, как пришел к тебе.

Девчонка приоткрыла рот, но тут же крепко сжала губы. Когда она вновь заговорила, голос ее прозвучал еле слышно:

– Ты хочешь... убить меня?

– Думаю, что да.

Девчонка помимо воли тихонько вскрикнула:

– Потому что я – маг?

– Нет, не поэтому.

– Тогда... почему? Что плохого я тебе сделала?

– Ты не сделала мне ничего плохого.

Безысходное отчаяние – чувство, которое Коул старательно подавлял, – теперь всколыхнулось в нем с новой силой и рвалось наружу, грозя захлестнуть его с головой. От этой борьбы у него перехватило дух, и на мгновение он уткнулся головой в колени, бессильно раскачиваясь на корточках. На краю сознания мелькнула мысль – пустит ли девчонка в ход магию именно сейчас, пока у нее еще есть такая возможность? Может, вызовет огонь, как предупреждал тот храмовник? Как это будет? И сможет ли она его убить?

Ничего не произошло. Сделав над собой усилие, Коул выпрямился, медленно выдохнул и лишь тогда поднял голову. Девчонка впала в оцепенение. Она никак не могла оторвать глаз от кинжала, и ей, наверное, даже в голову не пришло оказать хоть какое-то сопротивление.

– Я... истаиваю, – пробормотал Коул. – Моя суть будто вытекает сквозь трещинки. Прости... у меня нет другого выхода.

– Я закричу, – пригрозила она.

Но не закричала. Коул почти явственно видел, как сама мысль об этом рассыпалась в прах, едва девчонка осознала, что на крик сбегутся разве что храмовники – если вообще кто-нибудь явится. Даже сейчас, оказавшись лицом к лицу с вооруженным незнакомцем, она куда больше страшилась возвращения стражников. И Коул ее слишком хорошо понимал. Безнадежно обмякнув, девчонка медленно опустилась на пол.

С неистово бьющимся сердцем Коул чуть заметно подался к ней. Протянул руку, легонько погладил по щеке – и девчонка даже не отпрянула.

– Я могу сделать так, что всего этого не будет, – прошептал он ласково, держа кинжал острием вверх, чтобы видом его подкрепить свое обещание. – Не станет ни боли, ни страха. Не придется томиться здесь и ждать того, что еще для тебя уготовили.

Узница окинула его пристальным, неестественно спокойным взглядом.

– Ты демон? – решила она. – Говорят, с магами так и бывает. Являются демоны и превращают их в чудовищ.

Девчонка усмехнулась, и эта усмешка, больше похожая на безжизненную гримасу, как нельзя больше подходила к ее помертвевшим глазам.

– Хотя можешь не трудиться. Я и так чудовище.

Коул промолчал.

– Я сказала, что не хотела никого жечь. Тем – храмовникам – я тоже так объяснила. Это неправда. – Признание сорвалось с ее уст, словно поток ледяного яда. – Я слушала, как они кричали, как кричали отец и мать, слушала – и пальцем не шевельнула. Я хотела, чтоб они все сгорели! Я рада, что они сгорели!

Исторгнув на свет свою страшную тайну, девчонка сделала глубокий вдох и смахнула набежавшие слезы. Теперь она в ожидании смотрела на Коула, однако тот лишь вздохнул:

– Я не демон.

– Но... кто же ты тогда?

– Забытый.

Коул встал и протянул девчонке руку. Мгновение та колебалась, но затем молча кивнула. Коул помог ей подняться, и они оказались лицом к лицу. В голубом сиянии свет-камня эта близость вдруг обрела странный, почти любовный оттенок. Он видел ее лицо до мельчайших по-дробностей – каждую оспинку, каждое влажное пятнышко от слез, каждую прядку волос.

– Посмотри на меня, – попросил он.

Узница смятенно моргнула, но повиновалась.

– Нет, не так. Посмотри на меня.

И она так и сделала. Не просто посмотрела на Коула, а заглянула в самую его душу. Он хотел убить ее, и она это знала. Он влачил убогое существование, не видимый и не замечаемый

никем, но сейчас для этой девчонки он был средоточием всего сущего. Теперь она знала, кто такой Коул: освободитель, несущий ей спасение от ужасного мира. В глазах ее отразилось безмерное облегчение, смешанное со страхом. Этот взгляд не давал Коулу соскользнуть в небытие, и он чувствовал, что существует.

– Спасибо! – выдохнул он и вонзил кинжал в ее грудь.

Девчонка вскрикнула, но не отвела взор. Коул налег на рукоять, и лезвие глубоко вошло в сердце. Она выгнулась в судороге, изо рта обильно хлынула ярко-алая кровь. Тело девчонки в последний раз содрогнулось и безжизненно обмякло в руках Коула.

Он прижал умирающую к себе, жадным взглядом впиваясь в ее глаза. И лихорадочно поглощал каждую каплю жизни, стремительно вытекавшей из нее. Казалось, этот миг продлится вечно... и тут все кончилось.

Дрожа всем телом, Коул разжал руки, и труп, соскользнув с кинжала, безвольно осел на пол. Лишь отчасти, словно издалека, Коул сознавал, что лезвие, руки, кожаный жилет на груди – все залито еще теплой кровью. Он никак не мог оторвать взгляда от глаз девчонки, безжизненно уставившихся в пустоту. Опустившись на колени, он закрыл эти глаза, и на веках остался кровавый след. Затем Коул неуклюже отпрянул, привалился спиной к стене. У него перехватило дыхание.

Остановись! Хватит!

Лишь собрав остатки воли, Коул сумел отвести взгляд от убитой. Шатаясь, словно пьяный, он шагнул к свет-камню, который так и валялся на полу, схватил его и поспешно заматал в тряпицу. Камера вновь погрузилась в благословенную темноту. Медленно и размеренно дыша – вдох-выдох, вдох-выдох, – Коул постепенно взял себя в руки.

Он уже почти позабыл, что это значит – соединиться с живым, почувствовать себя частью живого мира. В глубине его души жила твердая уверенность, что в камеру вот-вот сбегутся стражники, что всему Белому Шпилю сразу станет ясно, кто он такой: беглый маг, таившийся в стенах Круга. Призрак Башни.

И все явятся сюда с мечами и чарами. Они схватят Коула и вновь заточат в камере. Бросят одного в этой непроглядной тьме, а потом вернуться, чтобы покончить с ним навсегда. На сей раз о нем не забудут. Дверь распахнется, и вошедшие увидят, как он валяется тут на полу, и тогда уж он будет умолять, чтобы с ним покончили.

Вот только никто так и не пришел.

Глава 2

Обычай орлесианской знати требовал на людях носить маски. Эти изысканные шедевры ремесленного труда разрисовывались сообразно достатку владельца и его знатных предков. Одни маски были покрыты узорами, искусно выложенными из крохотных драгоценных камней, другие – изукрашены серебром и золотом. Некоторые, правда, позволяли себе излишества, щедро украшая свои маски павлиньими перьями или сверкающей драконьей чешуей. Превзойти по красоте маски соперников считалось необыкновенно веским преимуществом, а потому имперские изготовители масок традиционно считались едва ли не самыми популярными среди ремесленной братии.

Слуги носили маски попроще, но с виду такие же, как у хозяев, и этим возвещали миру: «У меня есть господин, и тот, кто меня заденет, рискует навлечь на себя его гнев». Носить чью-то маску, не имея на то права, считалось тягчайшим преступлением. Здравомыслящий аристократ берег свои маски не менее ревностно, чем свою репутацию.

Таким образом, в Орлее прилюдное появление без маски было своего рода декларацией. Либо ты крестьянин, не годящийся даже на то, чтобы состоять на службе у знатного рода, либо считаешь себя вне Игры. Впрочем, для аристократии никто не мог быть вне Игры. Кто не игрок, тот пешка, а третьего не дано.

Джустиния V, Верховная Жрица Церкви и почетная гостья на сегодняшнем празднестве, была без маски. То же касалось сопровождавших ее священниц. Нельзя сказать, что Церковь считалась вне Игры, скорей уж занимала в ней особое положение, и всякий аристократ обязан был, беседуя с духовной особой, выказывать ей безупречное почтение, независимо от того, прикрыто или нет ее лицо. Тем не менее многие священницы принимали живое участие в Игре, и поговаривали даже, что Верховная Жрица принадлежит к числу лучших игроков. Церковь просто играла по другим правилам.

Евангелина тоже была без маски. Будучи храмовницей, она формально пользовалась той же поблажкой, что и духовенство. Правда, для большинства знати эта льгота оставалась пустым звуком.

И еще – во всем бальном зале дворца Евангелина была единственным человеком в латах и при оружии. Она начистила храмовнический доспех до блеска, надела лучшую свою тунуку – красную, с вышитой золотом эмблемой Церкви – и даже заплела черные волосы в косу, уложив ее наподобие элегантной высокой прически, модной среди придворных дам. Правда, все эти ухищрения все равно блекли рядом со сверкающими драгоценными камнями платьями, пышными париками со множеством причудливых завитков и жемчужных ниток, в соседстве с переливающимся в свете факелов и свечей мерцанием бесчисленных украшений. Бледнели – и Евангелина это знала.

А еще ей было отлично известно, о чем думают знатные дамы, когда оглядываются на нее; она до последнего слова знала, о чем они перешептываются друг с дружкой, прикрываясь изысканными веерами. О том, что столь хорошенькая девица без труда могла бы подыскать себе мужа. Однако же она вступила в воинский орден, а стало быть, либо происходит из небогатой семьи, либо – что гораздо хуже – слишком неотесанна, чтобы войти в приличное общество.

И в том и в другом случае они ошибались, однако это не имело никакого значения. Евангелина пришла сюда не затем, чтобы участвовать в Игре. Она – почетный караул Верховной Жрицы, наглядное предостережение тем, кто захочет использовать нынешнее празднество как повод устроить заварушку.

Формально этот бал давала императрица, однако ее величества в зале не наблюдалось. Судя по тому, что говорили Евангелине, правительница Орлея сейчас пребывала в своем зимнем дворце, в далеком Халамширале: то ли наслаждалась ласками нового любовника, то ли

готовила отпор мятежникам – это уж смотря кого спросить. В любом случае очевидно было, что праздник устроен дворцовыми чиновниками, и гости нисколько не возражали. Появиться на таком балу означало показать обществу, что тебя сочли достойным приглашения, и ради одного этого стоило сюда прийти. В бальном зале было не протолкнуться.

Верховная Жрица восседала на громадном, изукрашенном резьбой троне, который поставили в зале специально для этого случая. Трон был установлен на высоком помосте, что позволяло ее святейшеству без помех обозревать весь зал. Притом же всякий, кто захотел бы выразить почтение высокой гостье, был вынужден подходить к ней снизу. Орлесианские аристократы терпеть не могут, когда им напоминают, что они ниже кого-то по положению, даже если превосходство этого «кого-то» неоспоримо, а потому после того, как длинная череда отдающих дань вежливости в самом начале бала иссякла, к помосту вовсе почти никто не приближался.

И вот почетная гостья праздника восседала на троне в чопорной тишине, окруженная только ближними священниками. С высоты помоста она взирала на многочисленных танцоров, круживших по залу, и лицо ее оставалось безупречно бесстрастным, так что никому бы и в голову не пришло, что ее святейшество скучает. Если Верховной Жрице и было неуютно в обширной красной мантии и сверкающем венце, она ничем этого не показывала. По мнению Евангелины, ее святейшество являла собой воплощение ледяной любезности, и все же большинство реплик, которые доносились до ее слуха, касалось возраста почетной гостьи. Ее предшественница возглавляла Церковь добрых полвека – так долго, что империя привыкла к дряхлой и старчески слабоумной Верховной Жрице. Теперь все изменилось, и кое-кто выражал надежду, что Джустиния V не доживет до столь почтенного возраста.

Разумеется, высказывали это в типичной орлесианской манере – исподтишка и заглазно, старательно пряча камни за пазухой. Речь, в конце концов, шла об Избранной Создателем. Евангелине это стремление оправдать святотатственную болтовню хихиканьем и ядовитыми уколами казалось почти омерзительным, но что поделать – так устроена империя.

Музыканты – многочисленный оркестр, собравшийся на верхней галерее бального зала, – вдруг перешли на более быструю мелодию. Толпившиеся в зале гости дружно захлопали, одобряя их выбор, и тут же принялись выстраиваться для турдиона. Этот энергичный танец стал особенно популярен после того, как недавно пронесся слух, что его обожает императрица.

Танцоры встали друг напротив друга и приняли позицию, которая называлась «постюр друат», то есть выставили правую ногу перед собой, равномерно распределив вес тела. И началось: взмах левой ногой, прыжок на правой, потом ноги меняются, и так по пять раз. Вот танцоры дружно отпрыгнули, возвращаясь в изначальную позицию, и все возобновилось.

Зрелище выходило впечатляющее. Изрядно захмелевшие танцоры дурачились от души, хотя были и такие, кто исполнял фигуры с неподдельным старанием и заученной грацией. Гости, выстроившиеся вдоль стен, громко хлопали в знак восхищения, и к этим аплодисментам присоединились даже Верховная Жрица и ее ближние священники.

Музыка заиграла пуще, и танцоры задвигались с неистовой быстротой. Вдруг раздался испуганный крик – какая-то девушка упала, порвала юбку да еще увлекла за собой трех соседних плясуний. В довершение с нее слетела маска и с оглушительным стуком запрыгала по полу. Музыка тотчас оборвалась, и по залу пронеслись любопытные шепотки, смешанные со взрывами хохота.

Никто не поспешил на помощь к упавшей. Та кое-как поднялась на ноги и, придерживая разорванную юбку, бросилась в погону за маской. Величественного вида дама в громадном белом парике – очевидно, мать девушки – выскочила на середину зала и, схватив бедняжку за руку, уволокла ее прочь. Лицо матери скрывала золотая маска, однако все ее жесты выражали не столько сочувствие дочери, сколько гнев и стыд.

Опытный наблюдатель мог бы заметить, что причиной этого падения стала другая девушка – в ярко-желтом платье. Заметил бы он и еще кое-что: когда музыканты, дабы оправиться от сбоя, заиграли новую, более медленную мелодию, девушка в желтом платье тотчас направилась к кавалеру, против которого танцевала упавшая соперница. Правду говоря, Евангелина подозревала, что все собравшиеся в зале прекрасно знали, что именно и по какой причине проделала коварная девица... а также мысленно одобряли ее выходку. Великая Игра столь же беспощадна к проигравшим, сколь и омерзительна.

Евангелина все так же стояла перед помостом, на котором восседала Верховная Жрица, и незаметно, но внимательно оглядывала гостей. От долгого стояния на месте ныли ноги, и крепкий запах пота, перемешанный с при-торным ароматом духов, становился все нестерпимей. Но ей нельзя ослаблять бдительность. Беда такого количества масок в том, что под каждой запросто может скрываться наемный убийца. Любой, кого ни возьми в этой толпе, может оказаться чужаком, а его соседи об этом даже не подозревают. Приходилось надеяться, что многочисленные стражники, торчавшие в начале вечера у входа в бальный зал, отнеслись к своей задаче со всем прилежанием. Между тем ей, Евангелине, остается только одно: ждать. Быть может, через часок-другой Верховная Жрица соизволит покинуть бал – тогда-то придет конец и ее обязанностям.

– Я гляжу, тебе не терпится уйти.

Евангелина резко обернулась и увидела, что с помоста к ней спустилась одна из спутниц Верховной Жрицы. Эту женщину Евангелина видела и раньше. Рыжеволосая, коротко стриженная, с ярко-голубыми глазами, она держалась с такой хладнокровной грацией, что Евангелина ничуть не удивилась бы, окажись та вопреки церковному облачению отнюдь не духовным лицом. Может быть, она телохранитель? Для Верховной Жрицы вполне разумно не полагаться на услуги одного-единственного воина. Евангелину такое решение ничуть бы не задело.

– Ее святейшество может не опасаться, что я покину ее, – ответила она вслух.

Рыжеволосая вскинула руку и обезоруживающе улыбнулась:

– О, я вовсе не намекала, что ты можешь так поступить. Ты умеешь скрывать свои чувства куда лучше, чем большинство знакомых мне храмовников. И все же нынешнее задание наверняка вызывает у тебя невыносимую скуку.

Евангелина помедлила, не зная, как лучше ответить.

– Полагаю, рыцарь-командор вспомнил о моем происхождении и посчитал, что находиться здесь мне будет уместнее.

– Однако он ошибся?

– Эта часть моей жизни давно осталась в прошлом.

С такими словами Евангелина окинула взглядом толпу танцоров, которые как раз завершали очередной танец. Оживленно похлопав музыкантам, они рассыпались по залу и погрузились в разговоры. Со стороны это больше походило на рыскание волчьей стаи. Знатные волки выискивали слабейшего и окружали его, предвкушая кровавую охоту. Впрочем, кровью тут не пахло, только гладкие речи и посулы. Бальный зал был своеобразным полем боя, уже усеянным мертвыми телами, и однако же в этой войне не побеждал никто. На следующем балу та же сцена повторится, и то же будет на других аристократических сборищах – неизменно, как прилив и отлив.

– Богатство, влияние, сила – и чего ради все это пускается в ход? Во имя личного благополучия, и это в эпоху, когда мир рушится.

Рыжеволосую женщину такие слова явно впечатлили.

– Я готова с тобой согласиться. И ее святейшество, насколько мне известно, тоже.

– Значит, нас уже трое.

Женщина от души рассмеялась и протянула руку:

– Прошу прощения за невежливость. Меня зовут Лелиана.

– А я – рыцарь-капитан Евангелина.

– О да, знаю. У нас долго обсуждалось, кто же сегодня будет охранять Верховную Жрицу. Все-таки многие твои собратья по ордену – и рангу – уже выразили кое-какие... взгляды, которые не могут не вызывать у нас тревогу.

Тон, которым это было сказано, пробудил любопытство Евангелины – собеседница как бы давала понять, что за ее словами кроется нечто большее. Когда Лелиана отошла на пару шагов к столику, чтобы налить себе вина, храмовница не колеблясь последовала за ней.

– На что ты намекаешь? – прямо спросила она. – Что вызывает тревогу?

– Тебе ведь известно, что произошло в Киркволле?

– Это всем известно.

Лелиана жестом указала на ряд огромных окон в дальней стене зала, за которыми виднелся силуэт Белого Шпиля. Башня Круга была одним из немногих – если не считать самого дворца – зданий, видных из любого уголка столицы, притом же ночами ее озарял волшебный свет, и она сверкала в темноте, словно серебристый клинок: «меч Создателя», как любили называть себя храмовники.

– Круг магов в Киркволле взбунтовался и вверг город в гражданскую войну, ее последствия до сих пор ощущаются во всем Тедасе. Храмовники могут оценивать это событие двояко: либо как вызов их могуществу, либо... как урок, которым нельзя пренебречь.

– И как это относится ко мне? Не припомню, чтобы я высказывала свое мнение по этому поводу.

– Разве? – Лелиана пригубила вино, поверх кромки бокала глядя на Евангелину. В глазах ее плясали веселые искорки. – Ты сказала, что знать не использует своего влияния на благо общества. Должна ли я понимать, что храмовники, по-твоему, поступают иначе?

И снова в ее голосе прозвучал неявный намек.

– Да, я так считаю. Мы защищаем мир от магов, а магов – от них самих. Не потому, что они нас об этом просят, и не потому, что дело это легкое, а просто так надо.

– Вот тебе и мнение, причем вполне определенное.

– И его разделяют все мои собратья по ордену.

– Если бы так. – Лелиана на миг помрачнела, но тут же пожала плечами. – Многие считают, что война неизбежна и что Церковь недостаточно поддерживает усилия храмовников по ее предотвращению. Они говорят, что нам пора сделать выбор.

– И ты утверждаешь, будто меня назначили в охрану именно потому, что я, по-твоему, уже сделала выбор?

– Наверняка не скажу. Пожалуй, это стоит обсудить.

Евангелина промолчала, озадаченная этими словами. Рыжеволосая собеседница продолжала потягивать вино – с таким невинным видом, словно разговор у них велся о сушей безделице.

В дальнем конце зала появился другой храмовник. Этот был совсем молод – из рядовых членов ордена, и лицо его блестело от обильного пота, – стало быть, он добирался сюда в немалой спешке. Разглядев Евангелину, он явно испытал великое облегчение и через толпу гостей бегом устремился к ней.

– Сер Евангелина! Хвала Создателю, я тебя нашел!

И тут же осекся, запоздало сообразив, что помешал чужому разговору.

Лелиана беспечно рассмеялась, не выказав ни малейшего неудовольствия.

– Нет нужды беспокоиться, добрый сер, хотя... надеюсь, у тебя имелась веская причина явиться сюда при оружии. Все-таки в этом зале положено находиться лишь одному мечу, – прибавила она, кивком указав на ножны у пояса Евангелины.

Юный храмовник кинул взгляд на свой клинок, покоившийся в ножнах, и залился краской:

– Я... прошу прощения, мне как-то в голову не пришло...

– Ты искал меня, – напомнила Евангелина. – Зачем?

– Я... Ах да! – радостно воскликнул он и, выудив из-под туники пергаментный свиток, вручил его Евангелине. – Меня прислал рыцарь-командор. В Белом Шпиле произошло новое убийство.

– Опять?

Холодок пробежал по спине Евангелины, когда она развернула пергамент. Ей приказывали вернуться в башню сразу после того, как Верховная Жрица покинет бал. В послании говорилось также, что Лорд-Искатель проявил личный интерес к последнему убийству. Между строк ясно читалось, что рыцарь-командор считает это обстоятельство весьма неблагоприятным.

– Передай, что я вернусь, как только смогу.

Юный храмовник кивнул, однако вместо того, чтобы сразу удалиться, замешкался. Неуверенно покусывая нижнюю губу, он уставился на Лелиану, и та вопросительно изогнула бровь.

– Прошу прощения, мадам, но, похоже, у меня есть послание и для вас.

– Вот как? От храмовников?

– Нет. Там, снаружи, я наткнулся на одного слугу. Он сказал, что ищет рыжеволосую священницу, которая состоит при Верховной Жрице. Говорил, что с вами хочет повидаться старый друг.

– Старый друг? – озадаченно переспросила Лелиана. – А слуга не сказал, кто это такой?

– Нет, мадам. Сказал только, что тот прибыл из Ферелдена, если это вам о чем-нибудь говорит.

– О да, говорит.

Она повернулась к Евангелине и учтиво наклонила голову:

– Похоже, сер рыцарь, нам придется отложить разговор до более благоприятного времени. А пока что – да хранит тебя Создатель.

– И тебя тоже.

Евангелина смотрела вслед рыжеволосой женщине, которая покидала зал вместе с юным храмовником, и чувствовала, как любопытство разгорается в ней все сильнее. Поговаривали, что Верховная Жрица держит при себе нескольких доверенных лиц и что среди них есть барды – искусные участники Игры, порой шпионы и даже наемные убийцы. Если эта женщина одна из них, то разговаривать с ней прилюдно было делом чрезвычайно опасным.

Евангелина нарочито небрежным взглядом окинула зал, гадая, многие ли гости заметили – и запомнили, – что она беседовала с Лелианой? Дойдет ли сплетня об этом до рыцаря-командора? Сейчас для храмовников наступили трудные времена. Бунт в Киркволле породил мятежные настроения во всех Кругах Тедаса, а жестокое подавление этого бунта еще более осложнило и без того напряженную ситуацию. Теперь храмовники шарахались от каждой тени, и во всех углах им чудились коварные заговоры. Белый Шпиль не был исключением.

По счастью, никто из собравшихся не обращал явного внимания на молодую храмовницу. На подобных сборищах Верховная Жрица, по мнению орлесианской знати, была лишь чем-то вроде украшения, а Евангелина – заурядной телохранительницей, которая не заслуживала ни малейшего интереса. Девушка медленно выдохнула и вернулась на свое место перед помостом. Что ее действительно должно волновать, так это убийства. Расследование, которое она проводила, зашло в тупик, а в нынешней обстановке это непростительный провал. Остается лишь надеяться, что на сей раз ей удастся собрать больше улик.

Бал постепенно подходил к концу, музыканты уже раскланивались и откладывали инструменты. Кое-кто из мужчин спешил удалиться в «вечерний зал» дворца, а проще говоря – предаться обильному пьянству, курению трубок и прочим удовольствиям, которых не поощ-

ряют их супруги. Это обстоятельство позволяло женщинам встать посплетничать об отсутствующих мужьях и заняться деятельным поиском пары для своих отпрысков. Иные гости уже и прощались – те, кто совершил на балу какую-то промашку и спешил уйти прежде, чем окончательно испортит свою репутацию, пусть даже уход с бала раньше почетной гостьи мог быть расценен как признание слабости.

Словно почувствовав подходящий случай, ее святейшество поднялась с трона. Священницы, которые окружали ее, выступили вперед и громко захлопали в ладоши, привлекая внимание толпы. Им это удалось, и гости под возбужденные перешептывания прихлынули к помосту, чтобы выслушать речь. Евангелина отступила немного в сторону, дабы случайно не заслонить особу ее святейшества.

Верховная Жрица благодарно кивнула ближним священникам и воздела руки. В венце и парадном одеянии она выглядела впечатляюще, и по справедливости аристократам следовало преклонить колени и возблагодарить Создателя за то, что даровал им возможность лицезреть Его Избранную, а не относиться к ней как ко всякой гостье с пышным титулом. Впрочем, те, кто собрался в зале, были слишком пресыщены или чересчур горды, чтобы выказать такую почтительность... но зато охотно притворялись учтивыми, и через некоторое время в толпе воцарилась полная тишина.

– Достопочтенные граждане, братья и сестры! – начала Верховная Жрица, и голос ее эхом разнесся по залу. – Мы собрались здесь нынче вечером, дабы возблагодарить Создателя, ибо лишь волей Его дарованы нам столь многие блага – процветание, свобода, империя, что простерлась на добрую половину Тедаса. Именно в этом городе Песнь Света начала свое путешествие во все уголки мира, и оттого пристало нам не почитать себя единственно любимыми чадами Создателя.

Верховная Жрица смолкла, а затем с загадочной улыбкой спустилась с помоста. Евангелина чуть не поперхнулась от изумления, а едва скрываемый ужас на лицах священниц, оставшихся на помосте, говорил о том, что ее поступок был для них в высшей степени неожиданным. Да что там неожиданным – неслышанным.

Изумленные шепотки разнеслись по залу, когда ее святейшество приблизилась к знатым гостям. Иные неуверенно попятились, другим хватило воспитанности отвесить поклон или преклонить колени. Главы Церкви традиционно держались в отдалении от мирской суеты и вообще редко покидали Великий Собор – разве что по причинам государственной важности. То, что нынешняя Верховная Жрица приняла приглашение на бал, пусть даже по личной просьбе императрицы, само по себе было полной неожиданностью. У знати, таким образом, не было опыта прямого общения с ее святейшеством, кроме как на официально испрошенной аудиенции.

Джустина взяла за руку пожилую женщину в элегантном платье бронзового оттенка, которая приседала перед ней в почтительном реверансе. Непритворно дрожа всем телом, женщина приподняла маску и коснулась губами колец, украшавших руки ее святейшества. Благожелательно улыбаясь, Верховная Жрица двинулась в самую гущу толпы, и аристократы с готовностью расступались перед ней. По сути – отшатывались, и Евангелине эта расфуфыренная толпа, несмотря на пышные парики и причудливые наряды, чудилась скопищем злобно шипящих змей.

Лишь сейчас она вспомнила, для чего, собственно, присутствует на балу, и поспешила догнать Верховную Жрицу. На ходу она зорким взглядом обшаривала знатных гостей, которые хоть и держались на почетном расстоянии от ее святейшества, но теснились поближе к месту событий. Без труда можно было догадаться, что к ужасу, который таился за красочными масками, примешивалось жгучее любопытство. Быть может, в этом и есть преимущество того, что владычица священного трона так молода?

– Не следует допускать, чтобы страх затуманивал доводы рассудка, – продолжала Верховная Жрица. – Нам надлежит помнить обо всех, кто защищал нас в недобрые времена минувших веков, кто жертвовал собой ради нашего процветания. Мы перед ними в долгу – и однако же до сих пор постыдно избегаем вспоминать об этом.

Ее святейшество выдержала драматическую паузу, испытующе оглядывая притихшую толпу.

– Я говорю о магах. Песнь Света гласит: «Магия должна служить человеку, а не человек магии», – и так было до сих пор. Столетиями маги исправно служат нам в бесчисленных войнах, но так ли исправно мы служим им в мирное время? Мы не желаем им зла, но разве при этом не причиняем зло?

– Ложь!

Этот выкрик донесся из толпы. Мгновение невозможно было разобрать, кто же кричал, но затем по толпе пронесся потрясенный ропот, и аристократы вновь торопливо отхлынули, пропуская на сцену нового участника действия. С виду он ничем не отличался от прочих знатных гостей – лысоватый, но в целом вальяжный господин в черном бархатном камзоле, – однако же, когда он сорвал маску, стало видно, что лицо его искажено болью и яростью.

– Нет, вы желаете нам зла! – продолжал он. – Именно Церковь учит людей бояться нас! Мы всецело в вашей власти, а вы неустанно напоминаете, что позволяете нам существовать только потому, что мы полезны!

Толпа пятилась от кричавшего, отступая все дальше, так что в конце концов он остался один на один с Верховной Жрицей и Евангелиной, которая стояла в двух шагах позади нее. Храмовница положила руку на рукоять меча. Если этот человек и вправду маг – он опасен. Если она сейчас обнажит клинок, если стражники, несущие караул за дверями зала, решат вмешаться в происходящее, то жизнь Верховной Жрицы окажется под угрозой.

К чести ее святейшества, следовало признать, что она не потеряла присутствия духа и только воздела руки, стремясь умиротворить толпу.

– Успокойтесь, добрые господа! – воззвала она. – Опасаться вам нечего. Это, безусловно, не лучший способ добиться аудиенции, однако же я охотно выслушаю этого человека.

Гости нервно перешептывались, не вполне убежденные этими словами. На мага ее речь тоже не произвела особого впечатления.

– Выслушаешь?! Ты распустила Коллегию чародеев, заткнула рот нашим предводителям! Непохоже, чтобы ты к нам прислушивалась!

– Нет, прислушиваюсь, – терпеливо возразила она, – однако же нельзя допускать хаоса, и я не сомневаюсь, что ты это понимаешь. Если мир и будет достигнут, то никак не угрозами и категорическими требованиями. Речь идет не только о самих магах, но и о многих, многих невинных жизнях.

Евангелина исподтишка внимательно следила за магом. Этот человек никак не должен был здесь оказаться. Судя по его речам, он состоял в Круге – быть может, даже в Круге Белого Шпиля, хотя самой Евангелине лицо его не было знакомо. Однако он явно ускользнул из-под надзора храмовников, чтобы пробраться на бал. И она сомневалась, что маг сделал это лишь с тем, чтобы светски поболтать с Верховной Жрицей.

Он весь дрожал и, казалось, едва сдерживал слезы, но при этом крепко стискивал кулаки, прижимая руки к бокам.

– Мы не видим никакого пути к достижению мира! – отрезал он. – Если Киркволл нас чему и научил, то лишь одному: хочешь чего-то достичь – дерись!

С этими словами маг воздел руки, и вокруг них соткалась ярко-алая аура силы. Электрические разряды, пронизавшие воздух в зале, неприятно покалывали кожу, в ушах возникло гулкое рокочущее гудение. Магия! Незримая плотина, которая до сих пор сдерживала натиск всеобщей паники, вдруг рухнула. Толпа завопила от страха, многие сломя голову бросились к

дверям зала. Они сбивали с ног всякого, кто попадался им на пути, нещадно топтали упавших, и к паническим воплям добавились крики ужаса.

Евангелина метнулась вперед, заслонила собой Верховную Жрицу. В мгновение ока она выхватила меч и угрожающе направила его на мага. Взгляды их скрестились, словно клинки, – взгляды мага и храмовника, извечных врагов.

– Опомнись! – предостерегла она. – Ты знаешь, на что я способна. К чему доводить до кровопролития?

У мага вырвался то ли смешок, то ли всхлип.

– А чем еще все это может закончиться, кроме кровопролития? Я и так уже мертв.

Он простер руки, и между ними полыхнула дуга слепящего пламени... но Евангелина уже начала действовать.

– Назад, ваше святейшество! – прокричала она, надеясь, что Верховная Жрица сумеет ее расслышать, бросилась навстречу пламени, ощутила, как волна жара опалает лицо, и направила меч прямо в грудь мага.

Евангелина тоже обладала силой – той, что была подвластна всем храмовникам. Мощью, которая так страшила магов. В тот самый миг, когда острое клинка достигло цели, Евангелина направила эту силу вперед, и мощный поток, пройдя по ее рукам, хлынул в меч. С нестерпимо яркой вспышкой вся накопленная магом мана обратилась в ничто, и пламя, полыхавшее перед ним, иссякло.

– Мерзавка! – взвизгнул он и попятился, едва держась на ногах.

На груди его, там, где острое меча распорол камзол, проступила кровь. Маг погрузил в нее пальцы и уставился на них с видом, будто именно крови найти никак не ожидал. Затем он перевел взгляд на Евангелину, и лицо его исказила лютая ненависть.

Поняв, что сейчас произойдет, храмовница метнулась к магу... но опоздала. Кровь на руках его зашипела, испаряясь на глазах, – маг высасывал ману прямо из нее. Кровавое пятно на груди задымилось, и глаза мага полыхнули адским огнем.

Волна чужой силы ударила прежде, чем Евангелина успела дотянуться до мага. Она попыталась было окутать себя аурой, но враждебная магия разнесла ее защиту вдребезги, словно хрупкое стекло. Удар едва не вышиб из нее дух. Евангелину отшвырнуло назад. Пролетев по воздуху, она со всей силы грохнулась о мраморный пол и по-катилась, скользя по гладким плиткам. А потом ударилась головой обо что-то твердое.

Так она и лежала и, преодолевая тошнотворное головокружение, безуспешно пыталась встать. Руки отказывались повиноваться. Оглушительные вопли неслись, казалось, со всех сторон. Слышны были и крики стражников, которые, судя по всему, пытались пробиться в зал, но не могли совладать с толпой гостей, отчаянно продавившихся наружу. И еще где-то позади кричали священницы, умоляя Верховную Жрицу бежать.

Волну жара Евангелина ощутила еще до того, как пламя обрушилось на нее. Она едва успела вновь призвать ауру, и на сей раз защита выдержала. Выстояла, но прогнулась под напором огня, и боль от ожогов оказалась мучительной. Храмовница пронзительно закричала. В глазах у нее потемнело, и она ощутила, как гаснут в ней последние жалкие очаги силы.

Прошло мгновение, а может быть, и час, пока Евангелина вновь открыла глаза. Она сидела на полу, скорчившись, прикрыв обожженными руками голову. Меча не было видно, – должно быть, выронила при падении. В воздухе стоял едкий запах дыма: где-то занялся огонь, и теперь пожар стремительно распространялся по залу. Паника, обуявшая толпу, усилилась, люди словно обезумели, и всякий на свой манер искал пути к спасению. Кто-то запустил креслом в сводчатое окно, и осколки стекла с оглушительным звоном осыпались на пол.

Затем Евангелина подняла глаза и увидела пару черных башмаков. Они принадлежали магу, и он неумолимо шел к Верховной Жрице. Венец свалился с ее головы, но по красному парадному одеянию Джустинию можно было безошибочно различить в дыму, заполнявшем

зал. Она отступила к дальней стене и теперь стояла, прижавшись к ней спиной, точно загнанный в угол зверь. И не сводила настороженных глаз с мага, явно не желая поддаваться всеобщей панике.

Евангелина увидела, как маг поднял сжатый кулак и вокруг его руки соткался ореол набирающей силу магии.

– Нас и так уже боятся! – прорычал он. – Так пусть и у вас будет причина для страха!

С диким криком Евангелина вскочила. Стиснув зубы, чтобы превозмочь боль, она рванулась к магу и только чудом успела ухватить его за полу камзола. Она с силой дернула мага к себе, и тот попытался развернуться. Со взметнувшихся рук к потолку устремился клубок пламени. На миг показалось, что весь потолок залит раскаленными ало-черными волнами, бушующим огненным морем, которое на глазах растекалось все дальше.

Евангелина беспощадным броском швырнула мага на пол. Рыча, как зверь, маг попытался оттолкнуть ее прочь. Одной рукой он схватил ее за лицо, скрюченные пальцы впились в глаз, но храмовница ни на миг не ослабила хватки.

Кулак ее в латной перчатке с размаху обрушился на лицо мага – раз, другой, третий... и тут раздался хруст. Евангелина остановилась. Бальный зал был по-прежнему объят пламенем – но уже не волшебным. Виновник этого хаоса был недвижим, лицо его превратилось в кровавое месиво, и лишь опустевшие глаза взирали на Евангелину с неммым укором.

А затем наступила тьма.

Придя в себя, Евангелина обнаружила, что сидит на полу террасы, примыкающей к бальному залу. Обычно во время дворцовых праздников гости выходили сюда, чтобы подышать свежим вечерним воздухом, но сейчас на террасе царил настоящий хаос. Всюду, куда ни глянь, потерянно толпились люди. Знатная женщина в изодранном платье бродила неподалеку от Евангелины, громко выкликая по имени какого-то мужчину. Видно было, что она вот-вот забьется в истерику. Рядом сидел на полу вальяжный аристократ; его дорогой камзол почернел от запекшейся крови, и дворцовый стражник неумело перевязывал его раны. Вдалеке же метались стражники городские, безуспешно пытавшиеся восстановить порядок.

Долго ли она валялась без сознания? Что с Верховной Жрицей? Разобраться, что происходит вокруг, невозможно – слишком велико смятение, слишком много доносится отовсюду беспорядочных криков. Евангелина попробовала встать, но боль обрушилась на нее, словно удар кулака. Стиснув зубы, она осторожно опустилась на пол и постаралась собраться с мыслями.

Из окон дворца валил дым, и только сейчас прибыли пожарные с ведрами воды. Оставалось надеяться, что они сумеют справиться с огнем прежде, чем выгорит добрая половина дворца. В противном случае императрица, вернувшись из Халамширала, будет, мягко говоря, недовольна.

Если только правительница сама не замешана в этом покушении. Вряд ли можно считать простым совпадением, что ее не было во дворце в тот самый вечер, когда маг пробрался на бал, чтобы убить Верховную Жрицу. Если это подозрение справедливо, тогда храмовники вряд ли что-то смогут сделать. Если нет... что же, кто-то поплатится за случившееся.

Евангелина зашла в приступе кашля. В глазах у нее потемнело.

– Рыцарь-капитан? Все ли в порядке?

Не сразу Евангелина поняла, что к ней обращается Лелиана – та самая рыжеволосая женщина, с которой у нее недавно состоялся столь странный разговор. Лелиана присела на корточки рядом с Евангелиной, и во взгляде ее было непритворное сострадание.

– В порядке? – непонимающе переспросила Евангелина. Потерла лоб – и лишь тогда обнаружила, что волдыри на руках исчезли. Ни следа от ожогов.

Лелиана, получив ответ на свой вопрос, улыбнулась:

– Маги уже здесь. Один из них по моей просьбе исцелил тебя, но болеть будет еще долго. Боюсь, ты изрядно надышалась дымом. Я беспокоилась...

– Нет-нет, все хорошо. Спасибо. – Евангелина помотала головой. Крики, доносившиеся отовсюду, теперь были слышны намного явственнее, и очертания мира постепенно обретали четкость. – Что... что с Верховной Жрицей? Она не пострадала? Ей удалось выбраться отсюда?

– Удалось. Ее уже доставили в безопасное место.

Евангелина облегченно вздохнула. Что ж, одной заботой меньше.

– Я хочу поблагодарить тебя, – продолжала Лелиана. – Мне самой следовало быть здесь. Если бы в мое отсутствие с Джустинией случилось что-то дурное, я бы никогда себе этого не простила.

– Понимаю.

– Знай, что ее святейшество тоже безмерно тебе благодарна. Если когда-нибудь понадобится помощь...

Евангелина лишь кивнула – ни на что больше у нее не было сил. Удовлетворенная, Лелиана ободряюще сжала ее плечо и, поднявшись, отошла. В зале уже появились и другие храмовники, с каждой минутой их становилось больше. Порядок понемногу восстанавливался. Сделав глубокий вдох, Евангелина встала и оправила доспехи. Магическое исцеление не убило боли – все тело ныло так, словно переломаны кости, и саднили забитые копотью легкие.

Магия не всеильна.

Глава 3

Рис сидел в приемной рыцаря-командора, ожидая неизбежного вызова в личный кабинет. Приемная представляла собой неказистое помещение со стенами из серого камня, всей обстановки – пара деревянных стульев, единственная достопримечательность – громадное окно-эркер в дальнем конце комнаты. Из этого окна был виден весь Вал Руайо – вплоть до морского побережья, где раскинулся порт. Редко кто из магов удостаивался чести полюбоваться этим поистине великолепным видом, поскольку магов крайне редко вызывали на верхние ярусы Белого Шпиля – разве что в случае какого-то неприятного происшествия.

Похоже, сейчас был именно такой случай. Храмовники пока что ни словом не обмолвились о случившемся, однако их мрачные лица были намного красноречивей слов. Стало быть, очередное убийство.

Рис окинул взглядом Адриан и ухмыльнулся, наблюдая, как та раздраженно металась из угла в угол по тесной приемной. Туда-сюда, туда-сюда, словно собиралась выйти, и тут – бац! – на пути стена. После этого Адриан круто разворачивалась и бросала испепеляющий взгляд на массивную дубовую дверь во владения рыцаря-командора – так, будто открыть ее можно было одним велением воли. За все годы, которые Рис и Адриан провели вместе в Круге магов, он не мог припомнить случая, чтобы та не решилась ввязаться в стычку – не важно, по поводу или без оного. Кое-кто поговаривал, что эта ее черта совсем несвойственна магу, и такие замечания неизменно приводили Адриан в бешенство.

Рис, слыша подобное, только веселился. Да и кто может сказать, что именно свойственно или несвойственно магу? Он знал, какого мнения придерживаются обычные люди за стенами башни. Те, кто добрей, сказали бы, что маг – тощий седобородый старец, проводящий все время за чтением свитков и книг. Недоброжелателям маг представлялся зловещим типом с черными волосами и остроконечной бородкой, который рыщет во тьме, неустанно вызывая демонов – всякий раз, когда ему не мешают это сделать доблестные храмовники.

Адриан решительно не отвечала ни тем, ни другим представлениям. Миниатюрная, с копной рыжих кудрей и веснушками, она до сих пор походила на ребенка, хотя была лишь на пару лет младше Риса, а он стремительно приближался к сорокалетнему порогу. Адриан подобные сравнения бесили, и один лишь Рис, да и то иногда, мог поддразнивать ее безнаказанно. К тому же ругалась она не хуже базарной торговки.

Если задуматься, Рис и сам не очень-то походил на мага. Адриан утверждала, что он слишком красив, и от этих слов Риса разбирал смех. Он и сам считал, что первая седина, едва тронувшая бороду, придает благородства, однако женщины при виде ее отнюдь не бросались ему на шею. Уж это Рис заметил. К тому же он терпеть не мог рыскать в темноте и не предавался усердно тому, что обыватели называют «учеными занятиями». В свое время он немало занимался научными изысканиями, но запереть себя в библиотеке и часами портить глаза над книгами – увольте, это его не прельщало. Равно, впрочем, как и вызовы в приемную рыцаря-командора.

Его это бесило. И Рис, и Адриан – старшие чародеи; оба верно служат Кругу магов уже не одно десятилетие с тех пор, как Истязание сделало их полноправными магами... но здесь, по какой бы причине их ни призвали, они все равно что бестолковые ученики.

– Дерьмо! – выругалась Адриан.

Как обычно, она выражала свою злость с гораздо большей готовностью, нежели Рис. И остановилась на мгновение, одарив его уничтожающим взглядом, в котором явственно читалось: «Почему ты сидишь сложа руки?»

– Ты, когда злишься, такая милашка.

– Тебе нравятся милашки? Хочешь, я устрою здесь пожар? Интересно, ты и тогда скажешь, что я милашка?

Рис легкомысленно рассмеялся:

– Что ж, я бы и в самом деле счел, что это очень мило. Хотя храмовники, наверно, со мной бы не согласились.

– Зато уж как бы забегали! – зло бросила она. – Мне уже обрыдло, что меня никто не замечает!

– Ну так скажи об этом храмовникам. Они же здесь, совсем рядом.

– Думаешь, не скажу? – Адриан круто развернулась к двери в кабинет. – Мы торчим здесь уже битый час! Как вы смеете так с нами обращаться?!

Рис не знал, смеяться ему или пугаться, но потом решил совместить одно с другим.

– Дыхание Создателя! Да уймись же ты наконец! Сама знаешь, зачем нас сюда пригласили. Хочешь вызвать у них подозрения?

– Думаешь, нас и так не подозревают? Они уже решили, что убийца – один из нас, а теперь попросту пытаются это доказать.

Адриан решительно прошагала к пустому стулу рядом с Рисом, уселась, но тут же вскочила, как будто сидение на месте было уступкой, на которую она пока не желала пойти.

– С тем же успехом все эти убийства мог совершить храмовник! Это им в голову не приходило? У кого еще есть ключи от камер?

Рис тяжело вздохнул и потер виски. О, разумеется, Адриан всего лишь в пятый раз за минувший час излагает свою излюбленную теорию – как будто именно его нужно убеждать в ее правоте.

– У меня уже голова разболелась от твоих воплей, – пожаловался он.

– Но тебя же все это бесит ничуть не меньше. Признайся, что я права!

– Если «бесит» означает «сводит с ума», то ты, конечно, права. Про нас с тобой действительно никак не скажешь, что мы в своем уме... – С этими словами Рис хитро подмигнул Адриан, и та, хотя и выразительно закатила глаза, невесело хихикнула. Это ее отчасти успокоило – как всегда. – Собственно говоря, я слышал, что не все жертвы убийцы были обнаружены в темницах. Один из убитых – ученик.

– Ты не Джолена имеешь в виду? Я думала, он не прошел Истязания.

– Так думали все, но мне пару дней назад удалось подслушать во внутреннем дворе разговор храмовников. Они упоминали Джолена.

– Неужели храмовники ведут свои разговоры там, где ты можешь их услышать?

Рис опять подмигнул Адриан:

– Знаю я подходящее заклятие, тебе бы оно наверняка понравилось. Притворяешься, будто чем-то занят, а сам внимательно слушаешь. Чудо что за чары – действуют даже на храмовников.

Адриан пропустила его шутку мимо ушей.

– Джолен плохо справлялся с учебой, – проговорила она, задумчиво теребя подбородок. – Чародейка Адрия сказывала, что всю последнюю неделю своей жизни он только и норовил укрыться в келье – так боялся Истязания. И когда он не вернулся уже Усмирением, я решила...

– Я тоже, – кивнул Рис.

Часто бывало, что ученики попросту исчезали. Храмовники забирали их на Истязание посреди ночи, без всякого предупреждения. Кто проходил Истязание – становился полноправным магом. Кто терпел поражение – умирал. Если ученик отказывался пройти Истязание, его ждал ритуал Усмирения, и он возвращался к своим собратьям куклой, лишенной живых чувств. Иных даже устраивала такая участь, но Рису в это верилось с трудом: сам он не мог даже пройти мимо Усмирения без содрогания. Он предпочел бы умереть, нежели остаток жизни смотреть на мир глазами живого мертвеца.

Если же Истязание завершалось провалом ученика, то прочим магам об этом не сообщали. Испытуемый попросту исчезал. Такое случалось нередко, а если вспомнить, что маг никогда и не был хозяином своей судьбы – его могли перевести в другой Круг или же отправить на исполнение некоего дела Церкви, при этом не дав даже времени с кем-либо попрощаться, – в башне привыкли к подобным исчезновениям. И лишних вопросов не задавали. Так что убийств могло быть и больше, чем подозревали маги, и лишь храмовники знали наверняка сколько.

– Они должны были сообщить нам об этом! – кипятилась Адриан, явно думавшая о том же. – Уж хотя бы Первому Чародею! Нельзя же вечно держать нас в неведении!

– Боюсь, храмовники с тобой не согласятся.

После этих слов Рис ожидал новой вспышки, но Адриан смолчала, и на лице ее отразилась глубокая задумчивость. Она отошла к дальней стене и остановилась у окна, сосредоточенно глядя на раскинувшийся внизу город. Рис точно знал, о чем она сейчас размышляет. Сам он прошел Истязание почти двадцать лет назад и после позволил себе поверить, что для Круга он не пустое мес-то, что здесь высоко ценят его таланты и труд ради общего блага. Нелегко было раз за разом убеждаться, что на самом деле это не так.

С тех самых пор, как по приказу Церкви была распущена Коллегия чародеев, положение магов неуклонно становилось все хуже. Временно отменили разрешения покидать Круг. Запретили все собрания, и если даже в редких случаях магам дозволялось сойтись в парадном зале Белого Шпиля, Первому Чародею, по сути, нечего оказывалось им сказать. Предполагалось, что он должен быть предводителем и заступником магов, однако в последнее время его, похоже, низвели до уровня бесполезной марионетки.

Поговаривали, само собой, о бунте. Подобные разговоры велись постоянно. Год назад в далеком Киркволле маги и впрямь взбунтовались, и если вспомнить, чем это закончилось, Рис не видел ничего удивительного в том, что дальше разговоров дело не шло. Скорее уж он удивился бы, произойди обратное. Будь на то воля Адриан, так бы и случилось... и Рис порой даже готов был принять ее сторону.

Он вздрогнул от неожиданности – дверь в приемную рыцаря-командора внезапно распахнулась. Адриан стремительно развернулась и, судя по гневному выражению лица, уже готова была без обиняков высказать свое мнение о происходящем, но тут оба они опешили при виде женщины на пороге приемной. Это была рыцарь-капитан Евангелина, причем в полном храмовническом облачении и явно не склонная шутить.

Рядом с ней стоял Первый Чародей. Почтенный Эдмонд, формально возглавлявший магов Белого Шпиля, был так убелен сединой и согбен годами, что казалось, вот-вот рухнет под тяжестью своих черных одеяний. Сейчас вид у него был совершенно убитый, руки и ноги так явственно дрожали от изнеможения, что, лишь опираясь на посох, он мог держаться хоть сколько-то прямо. Эдмонд глянул на Риса, и в его осоловелых глазах промелькнуло виноватое выражение – то ли он извинялся за то, что говорил им прежде, то ли за то, что сейчас произойдет. Затем он медленно, постукивая посохом, без единого слова вышел из приемной.

Сер Евангелина проводила взглядом Первого Чародея, и на миг ее каменное лицо смягчилось. Она смежила веки и вздохнула – так вздыхает человек, вынужденный заниматься крайне неприятным делом. Потом Евангелина вновь открыла глаза, и от минутной слабости не осталось следа.

– Чародей Рис, – проговорила она, жестом предлагая тому войти в кабинет.

Адриан шагнула вперед.

– А как же я? – резко осведомилась она.

– Всеу свое время.

– То есть я должна тут торчать, покуда вы, мать вашу, не соизволите решить, что пора? Почему с нами обращаются как с преступниками? Если вам нужна наша помощь в расследовании – так это не самый лучший способ ее...

– Всему. Свое. Время.

В голосе храмовницы лязгнула сталь. Предостерегающий взгляд недвусмысленно намекал, что терпение Евангелины почти истоцилось, и этот намек заставил умолкнуть даже Адриан. Глядя на нее, Рис выразительно качнул головой – остынь, мол. По крайней мере, он надеялся, что Адриан поймет его именно так. Женщина стиснула зубы, ожгла его сердитым взглядом, но все же промолчала.

Вслед за рыцарем-капитаном Рис вошел в кабинет.

На первый взгляд здесь ничего не изменилось. Все те же трофеи, напоминавшие о славной армейской юности рыцаря-командора. Все та же унылая картина кисти какого-то родственника рыцаря-командора, помещанного на пасторальных пейзажах орлесианского захолустья. Все тот же книжный шкаф, битком набитый тягомотными трактатами по истории и догматам Церкви. Очаг давно уже не горел, а едва дымился, однако ухитрился кое-как прогреть комнату. Одно только изменилось в кабинете: здесь не было самого рыцаря-командора.

Вместо него за массивным дубовым столом сидел совершенно незнакомый человек. Обильная седина в волосах показывала, что он немолод, но лицо его было словно вырублено из камня. Доспехи незнакомца напоминали храмовнические, разве что были черного цвета и с необычной эмблемой – похоже на солнце Церкви, но с одиноким глазом посередине. Примечательней всего оказался взгляд его серых глаз – ледяной и острый. Это был настоящий воин, причем из тех, кто убивает не задумываясь. Впервые за все время Рис почувствовал себя в нешуточной опасности.

– Садись, – бросил незнакомец, коротко кивнув на стул, стоявший по другую сторону стола.

Рис подчинился прежде, чем успел осознать, что делает. И сидел тихо, следя, как незнакомец перебирает листы пергамента. Затянувшееся молчание не сулило ничего хорошего, и Рис даже затруднился бы объяснить, что его больше пугало – то, что в этих пергаментах могло быть что-то о нем самом, или вид Евангелины, которая с ничего не выражающим лицом стояла навтыжку у стола.

Он деликатно откашлялся. В конце концов, вовсе не обязательно, что его ждут именно неприятности.

– А рыцарь-командор к нам присоединится? – осторожно осведомился он.

Незнакомец оторвался от чтения и вскинул брови, с интересом разглядывая неуместно дерзкого мага. Секунду казалось, что он так ничего и не ответит. Затем он положил пергаменты на стол и с нарочитой неспешностью выровнял их в аккуратную стопку.

– Рыцарь-командор Эрон более не является главой этого подразделения ордена. Мое имя – Лорд-Искатель Ламберт, и в Белом Шпиле – вплоть до последующих распоряжений – буду командовать я.

По спине Риса пробежал холодок. Он мог не сразу распознать необычную эмблему на латах собеседника, но кто такие Искатели, знал хорошо. Искатели Истины – так назывался орден, который стоял выше храмовников и служил непосредственно Великой Жрице. Разговоры об этом ордене велись только шепотом и лишь на одну тему: где появился Искатель, там жди беды.

– Это как-то связано с убийствами? – спросил Рис.

Лорд-Искатель помедлил, сверля взглядом дыру в черепе мага.

– Тебе известно об убийствах?

– О них всем известно. Если вы не сообщаете нам, что происходит, это не значит, что мы не способны догадаться обо всем сами. Мы же не идиоты.

Лорд-Искатель метнул убийственный взгляд на Евангелину, однако та с изумительной стойкостью сделала вид, что не заметила этого. Лишь уголок ее губ чуть дернулся, как бы

напоминая: «Я же говорила». Тогда Лорд-Искатель скрестил руки на груди и вновь обратил сверлящий взгляд на Риса.

– Странно – все прочие маги в этой башне дружно, как один, утверждают, что понятия не имеют об убийствах. Было бы крайне любопытно выслушать, что же, как ты утверждаешь, известно тебе.

Рис мог солгать, но к чему? Вполне вероятно, что Лорд-Искатель и так уже знает, что он собирается сказать. И все же уступать нажиму было досадно. Рис не обладал талантом Адриан смачно ругаться, но и не привык давать себя в обиду. В конце концов, храмовники правят в башне не потому, что маги их об этом просили, а потому, что это в их власти и Церковь полагает правление их священным долгом. От магов требуют только одного – безоговорочного подчинения, а Рис не из тех, кто может беспрекословно смириться с подобной несправедливостью.

– Думаю, убийств было пять, – начал он небрежным тоном, – хотя я слышал, что самое меньшее – двенадцать. Наверняка не знает никто.

– Продолжай.

– Первой жертвой был новичок. Деревенский парнишка, которого привезли с юга Сердцевины. Нам даже не довелось узнать его имени, потому что его убили в камере всего через два дня после того, как храмовники привезли его в башню.

– Странно, что ты вообще мог об этом узнать.

– Что же тут странного? Вы ведь держите в темнице не одних только новичков, а ее стены не могут поглотить все звуки. Кто-то в камере по соседству слышал крики – страшные крики, а на следующий день храмовники носились по башне как ужаленные.

Лорд-Искатель пожал плечами:

– Новички часто умирают.

Рис почувствовал, что закипает. Судя по небрежному тону, каким были произнесены эти слова, смерть молодого мага считалась сущей безделицей. Он постарался взять себя в руки, сохранить легкомысленный вид и улыбку на лице – словом, не дать собеседнику вывести его из себя. Это было ох как нелегко.

– Вот только при этом не вопят благим матом, – наконец процедил он сквозь зубы.

Лорд-Искатель пропустил эту реплику мимо ушей:

– Как ты узнал о других убийствах?

– Мы... нам было известно, что в башню привозили новичков, но потом они не появлялись среди нас уже учениками. Храмовники утверждали, что их, мол, отправили в другой Круг, но когда храмовник лжет, это легко распознать. Слишком много было расспросов и внезапных обысков. А затем погиб Джолен.

Лорд-Искатель вопросительно глянул на Евангелину.

– Четвертая жертва, – кивнув, пояснила она.

– Ах вот как, – проговорил он. – Да, неудивительно, что местные храмовники не сумели сохранить это происшествие в тайне.

– А с какой бы стати вам хранить его в тайне? – резко спросил Рис, чувствуя, как в нем, невзирая на все попытки сдержаться, закипает гнев. – Если кто-то рыщет по башне и убивает магов, то разве мы, маги, не вправе знать об этом? Храмовники вроде бы должны нас защищать! Разве не по этой причине – отчасти – нас и держат взаперти?

Лорд-Искатель впери в Риса ледяной взгляд, и тот сразу же пожалел о своей вспышке. Причем помимо воли; на самом деле ему хотелось и дальше кричать, скандалить, втолковывать этой парочке, насколько несправедливо обращаться с магами – зрелыми и могущественными чародеями – будто с неразумными детьми. Под ледяным взглядом Ламберта он отчетливо понял, что это бессмысленно. Рис неплохо разбирался в людях. Лорд-Искатель, дай ему повод, без раздумий перерезал бы горло Рису, прежде чем тот успел бы подумать о магии. И перерезал бы с тем же ледяным немигающим взглядом.

Лорд-Искатель нахмурился, побарабанил пальцами по столу, как бы выбирая наиболее уместный ответ.

– Безусловно, – наконец изрек он, – магов содержат в башне отчасти именно для того, чтобы вас защищать.

Тон его внезапно сделался любезным, и это отчего-то показалось Рису еще страшнее.

– Другая причина вашего заточения состоит, вне сомнений, в том, что магия сама по себе опасна. Опасна порой даже вопреки добрым намерениям самого мага – если им завладеет демон... а ведь далеко не все маги отличаются добрыми намерениями?

Вопрос этот таил в себе угрозу и задан был явно неспроста.

– Знаком ли тебе некий чародей по имени Жанно? – осведомился вдруг Лорд-Искатель.

– Да, конечно. Старший чародей нашего Круга, как и я.

– Боюсь, что он был старшим чародеем. Прошлым вечером Жанно на глазах у множества свидетелей совершил покушение на жизнь Верховной Жрицы и сам был убит.

И Лорд-Искатель впился зорким взглядом в лицо Риса, ожидая, какое впечатление произведут его слова.

Рис похолодел, как холодеет человек, вдруг обнаруживший, что до сих пор беспечно прогуливался по самому краю смертельно опасной пропасти. Стало быть, не в одних убийствах дело, не только в них. Жанно покушался на жизнь Верховной Жрицы? Да как ему вообще удалось выбраться из башни? Прodelать такое без посторонней помощи... просто невысказано. Внезапно все встало на свои места – и непонятное отсутствие рыцаря-командора, и загадочное поведение Первого Чародея.

– Да... понимаю, – только и сумел выдавить Рис.

– При покушении Жанно использовал магию крови, – продолжал Лорд-Искатель. – Ты знал, что он владеет запрещенными чарами?

– Нет, понятия не имел.

– Занятно.

Лорд-Искатель все так же барабанил пальцами по столу, и только этот звук нарушал воцарившуюся в комнате тишину. Рис почувствовал, что по лбу его медленно ползет капля пота. Удержать весь Круг под неусыпным надзором было невозможно, разве что запретить магов по кельям, точно узников. Храмовники знали, что маги по-стоянно перешептываются и сплетничают у них за спиной, и логично было предположить, что они также обмениваются друг с другом приобретенными познаниями. Там, где завелся один маг крови, может появиться и другой. И не один.

«Они считают, что мне об этом известно. Или что я тоже маг крови».

– На сегодняшний день в Белом Шпиле убиты шестеро, – сообщил Лорд-Искатель. – Четверо новичков и двое учеников. Все прочие убийства, о которых ты слышал, – досужие выдумки. Впрочем, эти шесть случаев весьма... примечательны.

Он жестом приказал Евангелине изложить детали. Храмовница явно сомневалась в такой надобности, но тем не менее подчинилась.

– Все шестеро были заколоты ударом в сердце и брошены истекать кровью, – бесстрастным тоном начала она. – Орудие убийства найдено не было. На трупах не было обнаружено никаких следов. Насколько нам удалось понять, убийца, кто бы он ни был, сумел проскользнуть мимо стражников, отпереть камеры и уйти незамеченным. Никем.

В голову Риса закралось смутное подозрение. Он попытался прогнать эту мысль, выбросить ее из головы – но тщетно. «Незамеченным... никем...» – только и твердил он, стараясь не выдать своих мыслей, но, судя по тому, как хищно уставились на него оба храмовника, без особого успеха.

Лорд-Искатель навалился на стол, сцепил пальцы и вперил испытующий взгляд в Риса.

– Вполне возможно, – проговорил он, – что все эти убийства совершил храмовник, а собратья по ордену его покрывают. Можно предположить, что убийц было несколько и они возжаждали крови тех, кого были приставлены охранять. Случай прискорбный, однако не единственный.

– Я первым делом опросила всех храмовников, – пояснила Евангелина Рису, словно оправдываясь. – Мы стали менять расписание дежурств, перемещали стражников с одного поста на другой...

– Точно так же возможно, – перебил ее Лорд-Искатель, – что некий маг крови усыпил стражника либо вынудил его забыть все, что тот мог увидеть. Подобные чары, дающие власть над разумом, и есть одна из причин, по которым магия крови находится под запретом. Кровь, пролитую жертвой, могли между тем использовать для иных, куда более страшных чар. Трудно даже представить, для каких именно.

– Убийства мог совершить и демон, – вставила Евангелина.

– Если и демон, то достаточно могущественный, чтобы подчинить себе магов Круга. – Лорд-Искатель порылся в пергаменте и, найдя нужный лист, постучал по нему пальцем. – Здесь сказано, чародей, что ты медиум.

Рис постарался сохранить бесстрастный вид.

– Верно.

– Ты обладаешь редким даром обнаруживать духов и демонов, а также общаться с ними.

– Это так.

– Случалось ли тебе обнаружить духа или демона в Белом Шпиле?

Еще одна капля пота заползла Рису в глаз. Маг смахнул ее в надежде, что собеседники не заметят, как дрожат его руки.

– Да, но... в этом месте Завеса чрезвычайно тонка. Подобные случаи – часть моих научных трудов. О них наверняка сообщалось в докладах Первого Чаро...

– Мне известно о твоих трудах, – перебил Лорд-Искатель, и в голосе его прозвучало откровенное неодобрение. – Кроме того, я знаю, что ты прервал их почти год назад, после мятежа в Киркволле – то есть задолго до того, как начались убийства. Были ли такие случаи в последнее время?

– Нет, не было, – ответил Рис. Почти правдиво.

– Сдается мне, что маг, обладающий таким даром, легко обойдет все запреты храмовников. Мы ведь не в силах последовать за тобой через Завесу. Ты мог бы встречаться с демонами по ночам, когда все спят, – и концы в воду.

– Это не так просто, – возразил Рис. – Чтобы войти в Тень, будучи в полном сознании, нужны долгие приготовления, сложная работа нескольких магов. Во время исследований меня приходилось всячески оберегать от духов, с которыми я общался, на случай если...

– Тебя превратят в одержимого, – закончил за него Лорд-Искатель.

– Изучение духов и демонов жизненно необходимо для защиты от них. После каждого ритуала рыцарь-командор тщательно обследовал меня. Он доверял мне. Иначе бы...

Лорд-Искатель аккуратно положил пергамент поверх стопки листов.

– Проницательность рыцаря-командора не помогла ему ни уберечь своих подзащитных, ни обнаружить у себя под боком мага крови.

При этих словах сер Евангелина насупилась, но Лорд-Искатель Ламберт ничего не заметил. Рис помрачнел: дела принимали скверный оборот. Совсем скверный. Он спросил напрямую:

– Меня в чем-нибудь обвиняют?

– Нет. Пока что.

Рыцарь-капитан кашлянула, намеренно не заметив предостерегающий взгляд Лорда-Искателя. И подалась к Рису.

– Я видела тебя с Жанно, – негромко проговорила она. – И тебя, и чародейку Адриан. Все вы, все трое, – либертарианцы. Думаю, ты понимаешь, что нас беспокоит.

Вот оно, началось! Рис давно гадал, когда же зайдет речь о либертарианцах, и сейчас слова Евангелины настолько взбесили его, что он отбросил все попытки сдержаться.

– Думаете, все либертарианцы стали магами крови? По-вашему, ради обретения свободы для Круга мы готовы пойти на все? Даже стать теми, из-за кого и был создан Круг? – Рис подался вперед, ожег гневным взглядом сперва Евангелину, затем Лорда-Искателя. – Так вот что я вам скажу: я не знал, что Жанно стал магом крови, и не знаю, почему он совершил то, что совершил. Мы с ним никогда не были близки. Узнай я обо всем этом – тут же сообщил бы Первому Чародею. Именно такие люди бросают тень на наше братство, да и на всех магов.

– Тогда скажи нам, кто был с ним близок.

Маг скрестил руки на груди.

– Нет.

У Лорда-Искателя округлились глаза.

– Ты отказываешься отвечать?

– Отказываюсь. Я не стану невольным участником гонений, которые обрушатся на мое братство. Нас и так первыми винят во всех грехах.

– Тогда дай нам другой ответ.

– Вам не нужны ответы! – Рис вскочил, вызывающе глядя на собеседника. – Это же не расследование! Кто-то там покушался на жизнь Верховной Жрицы, и вы теперь места себе не найдете, покуда не состряпаете подходящий заговор. Словом, что бы вы там ни замыслили, валяйте, действуйте! Засадите меня в темницу. Вдруг этот таинственный убийца меня прикончит? Уж тогда-то я разом очищусь от всех подозрений!

Наступило долгое напряженное молчание, которое прервал лишь разочарованный вздох Евангелины. На лице Лорда-Искателя было написано холодное бешенство. Он поднялся из кресла, чопорным движением оправил нагрудник и процедил:

– Глупая выходка.

Если Лорд-Искатель ждал от Риса какого-то ответа, то ожидания оказались напрасными. Маг не тронулся с места, и несколько мгновений они сверлили друг друга ненавидящими взглядами. Рис прекрасно понимал, что за такое поведение его и впрямь могут бросить в камеру. И продержат там до самой смерти, а то и превратят в Усмиренного – просто так, на всякий случай. Впрочем, Рису теперь было на это наплевать. Одно дело – бесследно сгинувший ученик, но он-то старший чародей, к тому же либертарианец. Пускай храмовники попробуют объяснить его исчезновение всем прочим магам, а в особенности Адриан. Пусть сами убедятся, что из этого выйдет. Ничего хорошего, если вспомнить о настроениях, бурлящих в башне весь этот год после мятежа в Киркволле.

– Пошел вон! – прорычал Лорд-Искатель.

Сер Евангелина шагнула к Рису и крепко взяла его за плечо. Тот попытался было вырваться, все так же, в упор, дерзко взирая на Лорда-Искателя. Этот тип явно жаждал драки, и Риса так и подмывало пойти ему навстречу. Все же он сдался и позволил вытолкнуть себя из кабинета, считая, что еще легко отделался.

В конце концов, он и вправду знает больше, чем сказал. И храмовникам это теперь тоже хорошо известно. Покидая кабинет, Рис не мог отделаться от ощущения, что шею его захлестнула невидимая петля и теперь только и ждет подходящей минуты, чтобы затянуться потуже.

Допрос Адриан прошел не лучше. И даже гораздо хуже, если судить по ее последующему бешенству. И несколько часов спустя она все еще разъяренно вышагивала по общему залу, твердя каждому, кто соизволял выслушать, о заговоре храмовников.

Общий зал на самом деле вовсе не предназначался для общих собраний. То была просторная площадка, примыкавшая к кельям магов на средних ярусах башни, откуда можно было пройти к центральной лестнице. Особым уютом она не отличалась – голые каменные полы да пара небольших окон, из которых зимой сквозило холодом. Вдоль колонн, подпиравших свод зала, рядами высились статуи – угрюмые фигуры воинов из давнего прошлого. Рис терпеть не мог эти статуи. Ему чудилось, что надменные неживые глаза так и сверлят его взглядом, безмолвно осуждая за наглость быть магом.

Впрочем, больше магам податься было некуда. Слухи о присутствии в башне Лорда-Искателя, равно как и весть о покушении на жизнь Верховной Жрицы, разнеслись повсюду с быстротой лесного пожара. К тому времени, когда Рис и Адриан появились в общем зале, там уже было не протолкнуться. Все разговоры велись приглушенными голосами, как будто громкое слово могло вызвать неудовольствие храмовников. Страх нависал над толпой грозным облаком, но в нем таились молнии гнева.

Что, если Лорд-Искатель объявит Право Уничтожения? Этот вопрос повторялся снова и снова. Смириться с мыслью, что всех магов башни до единого могут предать мечу, было нелегко. Право Уничтожения, которым обладали храмовники, должно было применяться только как последнее средство в том случае, если Круг безнадежно погрязнет в запрещенной магии. По всей вероятности, именно это и произошло в Киркволле. Если Право Уничтожения с тех пор не объявлялось ни разу, то, безусловно, лишь из опасения вызвать новый мятеж... но кто знает, когда чаша терпения храмовников переполнится?

Судя по речам Адриан, тот же самый вопрос можно было задать и о магах. Она не верила тому, что Лорд-Искатель говорил о Жанно. Каким образом маг-одиночка мог так близко подобраться к Верховной Жрице? Адриан считала, что вся эта история выглядит крайне подозрительно и что попытку покушения придумали храмовники, дабы привлечь на свою сторону общественное мнение.

Рис не был в этом уверен. Среди либертарианцев ходили слухи, что некоторых магов уже не устраивают мирные пути освобождения, тем более что после роспуска Коллегии чародеев таких способов и не осталось. Эти маги стремились действовать – даже если придется силой тащить за собой не желающих драки собратьев. С них стало бы ради победы пустить в ход запрещенные ритуалы, не говоря уж о том, чтобы скрыть свои действия от прочих членов братства. Словом, у храмовников были веские причины для беспокойства.

Вот только храмовникам известно далеко не все. Стоя в общем зале и наблюдая за толпой, которая колыхалась вокруг подобно штормовому морю, Рис терзался угрызениями совести. Он действительно кое-что скрывает – и от храмовников, и от собратьев-магов. Никому из них Рис не мог открыть всей правды, и маловероятно, что ему когда-нибудь удастся это изменить.

Адриан двинулась к нему, явно собираясь произнести очередную обличительную речь. Что это? У нее открылось второе дыхание? Разговоры в зале давно уже шли по замкнутому кругу и вряд ли могли привести к чему-то толковому – хотя, конечно, не по вине Адриан.

– Ты намерен хоть что-нибудь сделать? – резко осведомилась она.

Рис ухмыльнулся:

– Я этим уже занимаюсь. Наблюдаю.

– И только?!

– Дражайшая Адриан! – хохотнул Рис. – Каких именно действий ты от меня ждешь? Это ты у нас воплощение праведного гнева. За тобой и наблюдать-то – нелегкий труд.

Он хотел было обнять женщину за плечи, успокоить, прежде чем та позволит себе какую-нибудь необдуманную выходку, но Адриан вырвалась и огля его возмущенным взглядом.

– Не мели чепуху! Ты не хуже меня знаешь, что к твоим словам прислушаются скорее, чем к моим! Так всегда бывает.

– Отнюдь нет, – пробормотал Рис, самую малость кривя душой.

Кое-кто из молодых чародеев уже заговаривал с ним, в тайной надежде задавая осторожные вопросы. Другие маги и сейчас прислушивались к их разговору. Они ждали, что ответит Рис. Это ожидание явственно читалось в их глазах. Ощущение было не из приятных.

– Первый Чародей бездействует! – заявила Адриан достаточно громко, чтобы ее услышал сам Эдмонд.

Тот стоял неподалеку, молча глядя в окно. До сих пор он не обменялся ни с кем ни единым словом и, услышав реплику Адриан, лишь измученно прикрыл глаза. Рис от души почувствовал старику – события последних дней поставили его в более чем тяжелое положение. Неужели Адриан этого не понимает? Он вскинул руку, жестом призывая собеседницу умирить голос, но та лишь решительно отмахнулась.

– Бездействует! И другие старшие чародеи ничем не лучше! Только ты можешь что-то сделать, Рис, – так возьми же дело в свои руки!

Всегда одно и то же. Адриан была прямолинейна и легко наживала врагов. Рис, как говорила она, обаятелен, ему проще вызвать симпатию окружающих. Он мог бы донести ее точку зрения до тех, кто не желает ее слушать, – Адриан об этом твердила, сколько бы Рис ни возражал, что в таком случае он окажется в том же положении, что и она сама.

– Ничего не выйдет, – сказал он вслух.

Адриан тяжело вздохнула и опустила голову. Рис разочаровал ее – правда, уже не впервые. Они с Адриан давние друзья... откровенно говоря, одно время они были даже не просто друзьями, насколько позволял затворнический уклад Круга. Вот только Рис никогда не станет вождем магов, чего хотелось бы Адриан... а потому они так и остались товарищами, и не более.

– По крайней мере, расскажи про убийства. – Она понизила голос. – Ты же знаешь, они умирают от любопытства, а мне не удалось вытянуть из Искателя даже этого. Напыщенный, высокомерный ублюдок!

Рис замялся. Меньше всего он хотел говорить именно об убийствах. Впрочем, ему так и не пришлось принимать никакого решения: миг спустя в общий зал вошли несколько стражников и приказали всем разойтись по кельям. Риса такой оборот несколько не удивил. При обычных обстоятельствах и он, и Адриан уже оказались бы в темнице – вкуче со всеми, кто хотя бы однажды поздоровался с Жанно. По счастью, храмовники сейчас не были заинтересованы в том, чтобы разжигать недовольство магов.

Адриан, разумеется, несколько не оценила их снисходительность. Глаза ее гневно засверкали, и Рис с замиранием сердца ждал неизбежной вспышки. Повезло: именно в эту минуту Первый Чародей наконец-то вышел из оцепенения. Отвернувшись от окна, Эдмонд вполголоса предложил собравшимся подчиниться приказу. И набраться терпения: мол, поживем – увидим. Эта краткая речь остудила пыл Адриан, и маги начали потихоньку расходиться.

Рис вздохнул с облегчением. Быть может, теперь ему удастся осуществить задуманное.

Следующие несколько часов он провел в своей келье – лежал на койке и смотрел в потолок. Время от времени за дверью слышались шаги проходивших по коридору стражников. Хорошо, что старшим чародеям полагаются отдельные комнаты. Как бы скучно они ни были обставлены, все же здесь можно уединиться, что в общих спальнях немыслимо. Само собой, и из спальни можно выскользнуть без труда – ученики проделывают это постоянно, но от соседей по комнате не скроешься. Рису же нужно было, чтобы никто не узнал, куда именно он отправится.

Ближе к полуночи в башне воцарилась мертвая тишина. Вот уже больше часа из-за двери не доносилось ничьих шагов. «Что ж, – сказал себе Рис, – сейчас или никогда». И медленно сел на койке, прислушиваясь в крошечной темноте, не раздастся ли в коридоре хоть малый шорох, возвещающий о приближении стражников. Нет, ни звука.

Рис нашарил стоявший у стены посох. От его прикосновения дерево потеплело, ожило. Хрустальный шар, приветствуя хозяина, озарил келью неярким свечением, но Рис одним взмахом руки погасил его. Свет ему сейчас был совсем ни к чему.

И тут же он вздрогнул – в тот самый миг, когда свет погас, в комнате что-то шевельнулось. Взяв себя в руки, Рис усилием воли засветил посох и выдохнул, когда понял, что видел лишь собственное отражение в большом зеркале с резной рамой, которое стояло в углу кельи. То был подарок Адриан – она купила зеркало в городе много лет назад, когда магам еще было разрешено выходить в город. «Сможешь вдоволь налюбоваться собой», – заметила она со смехом, а смеялась Адриан так редко, что Рису не хватило духа отказаться от подарка. Впрочем, зеркало так и осталось единственной во всем его имуществе причудливой безделушкой, и Рис до сих пор не мог привыкнуть к его присутствию. Раздраженный, он едва удержался от соблазна с силой пнуть злосчастное зеркало.

«Уймись, болван, не то сам себя предашь в руки храмовников». Рис позволил себе усмехнуться, и страх понемногу рассеялся. Осталась дрожь во всем теле да еще неловкость, оттого что свалил изрядного дурака.

Рис загасил посох и крадучись двинулся к двери. Он повозился с засовом, стараясь отодвинуть его как можно медленнее, и был вознагражден за труды: дверь открылась с одним чуть слышным щелчком. Рис осторожно выглянул в коридор. У центральной лестницы висела лампа со свет-камнем, но она была далеко, а ближе весь коридор затопила тьма. Снаружи не было видно ни души, но Рис не мог полагаться на зрение.

Сосредоточившись, он проник мыслью за Завесу и призвал духа. Тот был крохотный – клочок тумана, едва ли обладавший собственным сознанием. Сияющий шарик завис над ладонью Риса, источая магическое гудение, от которого щекотало в затылке.

– Мне нужно, чтобы ты не шумел, – прошептал Рис. – Справишься?

Дух возбужденно заплясал над ладонью и потускнел. Теперь Рис едва мог разглядеть его. Он подбросил туманный шарик и смотрел, как тот неспешно выплывает в общий зал. Даже для таких крошечных духов пребывание в мире плоти служило источником неопишуемого ликования. Их приводили в бесконечный восторг сущие пустяки – деревянный стул, недоеденный кусок мяса, перышко. Предоставленный самому себе, дух часами бы кружил там и сям, с восхищенным гудением обследуя окружающую обстановку.

Храмовники косо смотрели на использование даже таких кротких духов, хотя категорического запрета не налагали. Призывали же лучшие целители себе на помощь духов сострадания. Подобные духи ненадолго задерживались по эту сторону Завесы и почти сразу возвращались в свой призрачный мир, но Церковь все равно относилась с подозрением ко всякому, кто обладал способностью к общению с ними, то есть к таким, как Рис, но все же этот дар находил себе применение.

Рис терпеливо ждал. Он уже начинал опасаться, что дух отвлекся от порученного дела, – и тут почувал, что его бесплотный посланец возвращается. Туманный шарик опустился на раскрытую ладонь и возбужденно застрекотал. Рис прикрыл глаза, стараясь извлечь из памяти духа все, что тот видел на своем пути. Вначале образы были сумбурные – судя по ним, в общем зале торчало не менее десяти храмовников. Потом Рис сообразил, что дух загляделся на статуи и не сумел отличить их от живых людей. Весьма похоже на духов.

Впрочем... одна из «статуй» двигалась. Рис сосредоточился на этом образе и получил от духа достаточно четкое видение, чтобы разглядеть все подробности. Часовой в дальнем углу лестничной площадки. Стало быть, за коридором все-таки следят.

– Мне нужна от тебя еще одна услуга, – негромко и просительно проговорил он. Дух слетел с его ладони, заранее трепеща от предвкушения. – Я хочу, чтобы ты увел этого человека. Куда – не важно. Просто отмани его ненадолго, а потом ты будешь волен вернуться в Тень.

Задание было воистину сложное. Дух закрутился на месте, едва заметно замерцал, размышляя, и вновь уплыл прочь. Минуту спустя Рис услышал, как невидимый стражник приглушенно выругался. Затем дробно затоптали шаги, быстро удаляясь вниз по лестнице. Отлично. Теперь у Риса есть время, чтобы исполнить задуманное.

Выскользнув в коридор, он повернул не к лестнице, а в укрытую мраком часть общего зала. За спальнями скрывалась крохотная каморка. Ступая как можно тише, Рис подобрался к ней и нырнул внутрь.

В каморке царил кромешная тьма и стоял густой запах застарелой гари. Подавив приступ кашля, Рис засветил посох. Свет, озаривший каморку едва ли на расстояние вытянутой руки, выхватил из темноты ряды ветхих шкафов, битком набитых всякой рухлядью, которой пользовались Усмиренные, обслуживавшие комнаты магов. Видно было и то, что в каморке частенько появлялись ученики: пол усыпан хлебными крошками, пеплом как из запретных курительных трубок, так и от истощенных свет-камней.

В таком случае странно, что ученики не обнаружили в дальней стене каморки незакрепленный камень. Сумей они это сделать – очень скоро сообразили бы, что тесниться в клетушке им незачем. При нажатии на камень открывался люк, за которым тянулся узкий лаз. По нему можно было незамеченным пробраться мимо поварен и спуститься на подземные ярусы. Подобных тайных ходов в Белом Шпиле было множество, и те немногие маги, которые знали о них, ревностно хранили секрет, чтобы храмовники не запечатали ход.

Час, если не больше, Рис ползком, в пыли и кромешной темноте пробирался по узкому ходу. Возле поварен ему пришлось буквально волочить себя между стенами, задерживая дыхание, чтобы не задохнуться от зловония. Наконец тайный ход вывел его к необычно крутой лестнице. Здесь можно было выпрямиться во весь рост, зато стены сузились настолько, что Рис едва протискивался между ними. Вокруг царил затхлость. Духота. Удушье.

Ощутив наконец дуновение свежего воздуха, Рис едва не вскрикнул от ликования. Он знал, что лестница вела к открытой комнате в той части подземных ярусов, которой давным-давно никто не пользовался. Это означало, что он близок к цели. Рис нетерпеливо ринулся вперед... и, как выяснилось, излишне поспешно. Одна из ступенек в самом низу лестницы обрушилась под его тяжестью, и он, испуганно вскрикнув, ничком повалился в пустоту.

Посох вылетел из его руки и, погаснув, с глухим стуком покатился вниз. Миг спустя за посохом последовал и сам Рис. Он попытался цепляться за стены, чтобы замедлить падение, но этим только ухудшил дело. Он кубарем покатился вниз, ударился головой о стену и в итоге со всей силы рухнул на пол.

О-ох!

Рис валялся в непроглядной тьме, терпеливо свыкаясь с болью. Боль была изрядная. Он медленно, ощупью обследовал себя. Руки сгибаются хорошо. Ноги целы. Ни одной кости не переломано, хотя тело, кажется, вот-вот развалится на куски. Что ж, уже повезло.

До слуха его не донеслось ни шагов, ни иных звуков, которые означали бы, что кто-то услышал шум падения и отправился выяснять, в чем дело. В этом не было ничего удивительного. Темницы отсюда недалеко, но звук в Яме распространялся такими причудливыми путями, что вряд ли кто-то, даже если бы и услышал шум, сумел бы отыскать его источник. Да и стражники обычно в эти места не забредают, хотя все когда-нибудь случается в первый раз.

Рис, постанывая, кое-как поднялся на колени и принялся шарить вокруг в поисках посоха. Руки натыкались на пыль... снова пыль... и опять-таки пыль. Среди других находок были выпавшие из стен камни и обломки трухлявой древесины. Вполне вероятно, что здесь когда-то располагалась кладовая, хотя трудно вообразить, сколько лет назад было это «когда-то». На полу кое-где валялись ветхие бочонки и ящики, давным-давно опустевшие и служившие лишь пристанищем для пауков. Интересно, табурет еще здесь? Некогда его принес сюда какой-то неустрашимый маг, но садиться на этот табурет уже небезопасно.

Наконец Рис отыскал посох. Стиснув древко в руке, он засветил хрустальный шар...
...и вскрикнул. Рядом кто-то был.

Юноша сидел на корточках шагах в пяти от Риса, боязливо глядя на него из-под копны спутанных белокурых волос. Он явно не был ни магом, ни храмовником: потертые кожаные штаны и куртка щедро измазаны пылью и грязью, а их владелец, судя по всему, не мылся целую вечность. Поза выдавала настороженность и страх – так застигнутая на открытой местности крыса замирает, парализованная ужасом, но вместе с тем всей душой жаждет броситься наутек.

– Коул! – пробормотал Рис, делая глубокие вдохи, чтобы утихомирить неистово бьющееся сердце. – Ты меня до смерти перепугал.

Юноша прикусил нижнюю губу и неловко поежился.

– Тебя давно не было, – сказал он. Голос у него был скрипучий, явно оттого, что хозяин пользовался им нечас-то. – Я думал, ты меня забыл.

– Нет, не забыл. Разве я не говорил тебе, что в последнее время стало труднее пробираться сюда?

Рис осторожно поднялся на ноги. Отряхнулся от грязи и пыли, хмурясь при виде порванной одежды и ушибов, которые тем труднее будет потом объяснить. И замер, вспомнив наконец, чего ради в первую очередь явился сюда. Он повернулся к Коулу, тщательно обдумывая, как лучше повести разговор. Юноша и без того был издерган.

– Мне нужно тебя кое о чем спросить, – решился Рис. – Это важно.

– Ух! – Коул заерзал на месте, словно провинившийся сорванец, который ищет повода удрать, но не смеет рвануть наутек, – и одно это движение разом сказало Рису все, что он хотел узнать.

Коул точно знал, о чем Рис собирался его спросить. Знал, но все равно пришел к нему, потому что не мог иначе.

– Это же ты? Ты – убийца?

Глава 4

Впервые Рис увидел Коула почти год назад.

Он хорошо запомнил время, потому что именно тогда в Белый Шпиль дошли известия о мятеже в Киркволле. Маги тряслись от страха, храмовники наводнили все коридоры и залы. Во всей этой суете Рис то и дело примечал незнакомого юношу, который, в отличие от прочих, не метался бестолково из угла в угол, а просто... наблюдал. Одет незнакомец был довольно чудно, однако Рис поначалу не придавал этому особого значения. Либо новый ученик, либо посетитель, получивший у храмовников разрешение на вход. Во всяком случае, больше никто не обращал на юнца внимания, так зачем же ему, Рису, об этом беспокоиться? Конечно, посторонние в башне бывают редко, но все же встречаются.

Позднее, во время доклада в парадном зале, Рис опять увидел незнакомца. Сидя в задних рядах, юноша с явным замешательством наблюдал за всем происходящим. Выглядел он здесь настолько неуместно, что Рис повернулся к Адриан и спросил, кто такой, по ее мнению, этот человек.

Адриан оглянулась и озадаченно сдвинула брови:

– О ком ты говоришь? Там никого нет.

– Ты уверена?

– Шутишь? А ты что там увидел?

Рис прикусил язык. Если он видит то, чего не видит Адриан, значит этот юноша – плод его воображения или... или кое-что похуже. Быть может, это дух, а то и демон... что не сулит ничего хорошего. С другой стороны, Рис – медиум. Если странный незнакомец – демон, почему же Рис этого не почувствовал?

А потому он внушил Адриан, что произошло недоразумение, тем более что и сам был в этом почти уверен. Позднее он порасспросил других магов – само собой, крайне осторожно. Не видел ли кто в башне нечто странное? Кого-нибудь постороннего? И тогда-то впервые услышал о Призраке Башни.

Слух, конечно, был совершенно нелепый. Все научные изыскания Риса показывали, что призраков не существует. В лучшем случае это духи, которые либо изображают давно умерших людей, либо же просто заблудились в мире плоти. После смерти душа человека уходит... неизвестно куда. Если верить Церкви, души покойников пребывают у трона Создателя – в каком-то неведомом краю по ту сторону Тени. Даже сами духи утверждали, что не знают, куда деваются души умерших людей, – если, конечно, речам духов можно доверять.

И тем не менее слухи о Призраке Башни усилили беспокойство Риса. А потому он исподтишка высматривал повсюду странного юношу, исполненный решимости поговорить с ним и узнать всю правду. И, согласно старой поговорке о котелке, который закипает медленнее, если за ним следить, юноша так нигде и не появился.

Тогда Рис отправился искать его в Яму. Все, кто говорил о загадочном призраке, утверждали, что там для него самое подходящее место. Если юноша – дух, Рис должен ради науки выяснить, почему не почувствовал его... а еще – для собственного спокойствия убедиться, что его не обвел вокруг пальца чрезмерно хитроумный демон.

Он заглядывал в архивы. Он бродил по давно заброшенным уголкам башни – даже там, куда заходить было официально запрещено. К тому времени, когда Рис уже почти уверился в том, что вся эта история есть плод его воображения, он наконец наткнулся на Коула. Вернее, это Коул на него напоролся.

Рис помнил, как завернул за угол и едва не врезался в юношу, который стоял там и следил за ним во все глаза. Когда он заговорил с юношей, тот шарахнулся, словно его ударили. Встреча с человеком, который его видит, явно оказалась для Коула нешуточным потрясением, и Рису

пришлось потратить немало слов и времени, чтобы хоть как-то успокоить его. Он пришел сюда, заинтригованный скитаниями Риса по Яме, однако ему и в голову не пришло, что Рис скитается по Яме именно из-за него. Коул давно уже перестал следить за тем, замечают ли его другие люди, – просто потому, что никто его не видел.

Первый разговор с ним прояснил... многое. По словам Коула, храмовники привезли его в башню и бросили в камеру. Он не помнил, когда именно это случилось, не мог припомнить и каким образом выбрался из темницы... но после обнаружил, что оказался один-одинешенек в мире, где его никто не видит. Рис никогда не слышал ни о чем подобном. Ему пришлось даже дотронуться до собеседника, дабы убедиться, что тот и вправду существует.

– Как же получается, что ты невидим? – спросил он.

– Не знаю.

– Но... тебя все-таки видели. Пускай мельком, но все же... Мне рассказывали об этом.

– Иногда меня видят, а почему – не знаю.

Коул отвечал уклончиво. От расспросов ему было не по себе, и к тому же он опасался намерений Риса теперь, когда тот знал о его существовании. Он жарко, почти со слезами умолял не выдавать его храмовникам. Рис без особой охоты, но все же согласился. Да и кто ему поверит, скажи он, что по башне бродит человек-невидимка? Особенно если тот сам не хочет, чтобы его видели.

А потому он оставил Коула одного, пообещав когда-нибудь вернуться, и не понял тогда, почему юноша в ответ лишь промолчал с явным недоверием в глазах. Несколько дней спустя Рис вернулся и снова поверг Коула в безмерное удивление. Коул рассказал, что ему и прежде удавалось сделать так, чтобы его заметили, – это получалось, если хорошо постараться. Вот только очень скоро эти люди вновь его забывали. Коул просто переставал для них существовать... и он решил, что то же самое произойдет и с Рисом.

Вышло иначе. Рис возвращался к нему вновь и вновь. Сперва потому, что был чрезвычайно заинтригован этой удивительной загадкой. Если бы только он смог разобраться, что же делает Коула незримым, возможно, тот мог бы избавиться от невидимости. Быть может, сила, которая укрывала его от чужих глаз, могла бы стать источником новых знаний. Рис не был фанатичным ученым, но его привлекало решение сложных проблем, особенно если при этом удавалось кому-то помочь.

А Коул, похоже, как раз и нуждался в помощи. Он ни разу не заговаривал об этом, но и так было ясно, что он отчаянно одинок. И хотя понятие дружбы для него было чем-то чуждым и пугающим, страх не мешал ему приходить на встречи с Рисом. Со временем стало ясно, что помощь тут ни при чем. Рис, безусловно, хотел разгадать тайну, но теперь уже потому, что Коул пришелся ему по душе. Юноша не был скор на язык, зато обладал острым и любознательным умом. К тому же его существование объясняло, почему от Круга в нынешнем виде нет никакого толка. Что, если бы Коула встретили в башне не храмовники, а собратья-маги, если бы к нему отнеслись не с презрением и страхом, а с пониманием? Если бы ему сумели втолковать, что владение магией не чудовищное проклятие, а редкостный и прекрасный дар?

И потому Рис виделся с Коулом так часто, как только смел ускользать из кельи. Они играли в карты при свете лампы, и Коул показывал старшему товарищу некоторые диковинки из тех, что ему довелось обнаружить в Яме. Рис даже представить себе не мог, что там может найтись такое. Они болтали обо всем на свете, покуда разговор велся о пустяках. Стоило Рису спросить, каким образом Коул превратился в невидимку, или даже завести речь о том, как ему помочь, – и юноша уходил, растворяясь в темноте.

Их обнаружили лишь однажды. Дозорный храмовник, обходивший архивы, появился в ту самую минуту, когда они размышляли над шахматной доской. Тот постоял, недоуменно уставясь на Риса, а затем спросил, часто ли тот играет сам с собой. Рис неловко промямлил, что, дескать, вырабатывает тактику игры, и стражник двинулся дальше, на ходу озадаченно

покачивая головой. До этой минуты Рис втайне подумывал, что Коул попросту неприметен, а тот, кто смотрит прямо на него, обязательно его увидит. Оказалось, что это не так.

А потом распустили Коллегию чародеев.

Одновременно ужесточили надзор за всеми магами в башне, и Рису стало намного труднее выбираться из своей кельи незамеченным. Он все реже приходил на встречи, а придя, неизменно обнаруживал, что Коул неразговорчив и замкнут. Всякий раз юноша бывал убежден, что Рис о нем все-таки забыл, и никакие слова его не разубеждали. Потом он мрачнел и утверждал, что если Рис его и не забыл на сей раз, то уж наверняка забудет в следующий.

А потому Рис с удвоенным старанием принялся искать разгадку. Он подумывал поделиться с Адриан... но что она скажет? И как бы отнесся любой другой? Не говоря уж о том, что его тайну могли обнаружить храмовники. Какой совет дали бы ему те, кому он даже не в состоянии доказать, что Коул существует? Собственное бессилие вызывало у Риса угрызения совести, и это чувство лишь усугублялось тем, что от его визитов Коулу становилось только хуже.

Когда Рис в прошлый раз спустился в Яму, ему пришлось искать Коула несколько часов. Это было необычно, так как прежде юноша всегда находил его первым. Рис не посмел звать Коула вслух и вместо этого долго, в душе страшась наткнуться на мертвое тело, обшаривал укромные закутки, где обитал невидимка.

Наконец он отыскал Коула в усыпальницах, где когда-то хоронили храмовников. Юноша сидел на крышке массивного саркофага нахохлившись, словно печальный ворон. Вид у него был нездоровый, лицо бледное, как будто он не спал неделю кряду. При виде Риса он даже не поздоровался и лишь настороженно следил, как тот подходит все ближе, а затем ни с того ни с сего спросил: считает ли Рис, что он, Коул, – мертвый?

– Ты не мертвец, – возразил Рис. – Ты такой же настоящий и живой. Как я.

– А может, это ты ненастоящий. Может, ты демон, посланный, чтобы мучить меня.

– В самом деле? Разве я тебя мучаю?

В глазах Коула метнулся испуг.

– Да. Нет.

Рис протянул руку, чтобы ободряюще похлопать юношу по плечу, но тот лишь отпрянул, отодвинувшись выше на крышку саркофага.

– Оставь меня в покое.

– Ты и вправду хочешь, чтобы я ушел?

– Нет.

– Коул, пойдем со мной. Мне нужно отвести тебя к Первому Чародею, заставить его тебя увидеть. Сделаем записи, чтобы ничего не забыть. Тогда мы сможем помочь тебе. Прости, но в одиночку я не справлюсь.

Молчание.

– Ты же хочешь, чтобы тебе помогли?

– Я не хочу, чтобы мне сделали больно.

Коул не был ребенком, но эти слова прозвучали как испуганная детская мольба. Рис надолго смолк, беспомощно глядя на него. Потом заговорил:

– Ты ведь можешь покинуть башню. Это я вынужден здесь торчать, а ты свободен.

– И куда я пойду?

На этот вопрос у Риса не было подходящего ответа.

Никуда. Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь. Будь я Коулом, я спокойно прошел бы мимо храмовников, покинул башню и ушел туда, где они меня никогда не найдут.

Вот только Рис не Коул. Тот старательно избегает верхних ярусов башни, потому что боится людей. Буйное многолюдье города за пределами башни ввергло бы его в такой ужас,

что и представить трудно. Да и что это за существование – видеть, как вокруг кипит жизнь, и оставаться в этом кипении только бессильным зрителем?

А потому Рис, вопреки собственному желанию, оставил Коула в покое и вышел из усыпальницы, чувствуя, как сверлит спину напряженный взгляд. Это произошло с месяц тому назад, и до сегодняшнего дня, до разговора в кабинете рыцаря-командора, у Риса и мысли не мелькнуло о том, что этот несчастный юноша связан с убийствами в башне. То, что Коул может быть не только жертвой, ему никогда не приходило в голову.

И вот теперь Коул сидел перед ним на корточках и глядел исподлобья так же мрачно, как в прошлую встречу. Может быть, Рису грозит опасность? Он считал, будто знает, на что способен этот юноша, но вот ошибся. Да нет, не просто ошибся, а сваял дурака. В глубине души Рис упорно цеплялся за мысль, что всему этому должно было найтись какое-то объяснение.

– Скажи, что это неправда! – горячо потребовал он. – Скажи, что на самом деле ты никого не убивал и все было иначе!

– Не могу.

– Ты прибегнул к магии крови? Неужели ты пытался... излечить себя каким-то ритуалом? Ты нашел его в архивах?

На лице Коула отразилось замешательство.

– Не знаю я никакой магии.

– Тогда зачем ты убивал? Ответь хоть на этот вопрос!

– Так... так было нужно.

– Тебе нужно было их убивать? Но каким образом... – Рис осекся, пораженный, как громом, ужасной мыслью. – Это дело рук Жанно? Он нашел тебя, да? И говорил с тобой? Это он велел тебе совершать убийства?

– Не знаю я никакого Жанно.

– Это маг. Такой же, как я, но постарше. И волос поменьше. Я знаю, что он часто спускался сюда...

– Он ест персики? Один человек, похожий на того, что ты описал, бывает в архивах. Иногда я вижу его в усыпальнице, но только когда он говорит с другими.

– С другими? Кто эти другие?

Коул пожал плечами:

– Они сидят в темноте и толкуют о разных скучных вещах. Этот маг всегда бросает на пол косточки от персиков. Так я и узнаю, что он там бывает.

Рис задумался над его словами. Тайные сборища в усыпальнице? Если в них участвовал Жанно, то подозрения Лорда-Искателя насчет заговора в башне могли оказаться недалекими от истины. От этой мысли ему стало не по себе.

– Почему ты мне раньше не рассказывал об этих встречах?

– Понятия не имел, что тебе это неизвестно. И что тебе надо об этом знать.

– Эти люди могли тебя увидеть? Может, они наложили на тебя какое-то заклятие и принудили убивать? Кто знает – вдруг именно они сделали тебя убийцей.

Коул задумался. С минуту он молчал, хмурясь и рисуя в пыли какие-то черточки.

– Они меня не видели, – наконец вымолвил он. – Никто не может меня увидеть, кроме тебя. И еще тех, кого я...

– Убил.

Коул кивнул.

– Ты поэтому и убивал, да? Опасался, что они выдадут тебя храмовникам?

– Нет. Те люди меня не видели, пока я сам к ним не приходил. Но я знал, что они меня увидят.

Коул прикусил губу. Рис и прежде видел у него на лице такое выражение. Оно возникало всякий раз, когда юноша пытался облечь какую-то сложную мысль в слова.

– Ты бывал когда-нибудь глубоко под водой? – спросил Коул.

– Да, конечно.

– В одном нижнем зале есть небольшая заводь. Иногда я прихожу туда. – Юноша загнулся, погруженный в мысли. – Знаешь, под водой можно плавать. Если закрыть глаза, кажется, будто плывешь в пустоте. Вокруг темно и ничего не слышать, кроме самого себя. Весь мир как будто бы далеко-далеко.

– Не понимаю.

Коул раздосадованно вздохнул:

– Мне иногда кажется, что я очутился глубоко под водой и больше уже никогда не выплыву. Просто опускаюсь все глубже и никак не достигну дна. Темнота вот-вот поглотит меня целиком. – Коул смятенно уставился в пол. – Я как будто просачиваюсь в трещинки между настоящим миром и призрачным, и если не смогу остановиться, то меня просто не станет. И спастись от этого можно только...

Рис попятился. Всего на шаг, но Коул все равно заметил это движение. Лицо его исказила такая боль, что у Риса мучительно сжалось сердце. Он разрывался между тревогой и страхом. Коул – славный мальчик. Он всегда был по душе Рису, но слишком уж нелегко увязать безобидного юношу с убийцей, вонзившим нож в сердце шестерым беспомощным магам.

– Спастись от этого можно, только если ты кого-нибудь убьешь? – тихо, сдавленным голосом закончил Рис.

– Я знаю, что они меня увидят, – прошептал Коул. – Непонятно откуда. Но знаю. И тогда я иду к ним. В тот миг, когда они умирают, они смотрят на меня. Знают, что это я их убил, и тогда я становлюсь для них самым главным в мире. – Лицо его вновь исказило болью. – Никогда и ни для кого я не был самым главным, – прибавил он, и его хриплый голос сорвался.

– И то, что ты становишься самым главным... помогает тебе остаться настоящим?

Коул поглядел на него широко открытыми, непонимающими глазами:

– А с тобой разве не так?

Рис не знал, что на это ответить. В глубине души он сейчас задавал себе совсем другой, куда более важный вопрос: убьет ли Коул и его? В конце концов, Рис ведь тоже его видит, как видели все жертвы. Если Коул проникнется убеждением, что смерть Риса каким-то образом поможет ему сделаться настоящим, то неужели же он не решится на убийство? Как бы ни стремился Рис помочь юноше, теперь было очевидно, что Коул просто безумен. И помочь ему невозможно.

– Вот что, Коул, – твердо проговорил Рис. – Выслушай меня. Ты не исчезнешь. И убийство невинных людей ничего не изменит.

– Откуда тебе знать? Ты сам говорил когда-то, что понятия не имеешь, в чем моя беда.

Рис шагнул к юноше, крепко схватил его за плечи и рывком поднял на ноги. Глаза Коула округлились от изумления, однако он не попытался вырваться.

– Ты не представляешь, чем грозят эти убийства! И не только тебе – всем нам! Храмовники думают, что убийца – маг крови. Ты обязан пойти со мной!

– Нет! – Юноша рванулся было, но Рис не ослабил хватки.

– Мы сделаем все, чтобы тебя увидели! Объясним, что это невидимость, откуда бы она ни взялась, довела тебя до сумасшествия, что на самом деле ты ни в чем не виноват... не знаю, да хоть что-нибудь объясним! Только так и можно будет тебе помочь!

– Никто мне не поможет! – Коул все-таки вырвался из рук Риса и отскочил к дальней стене. – Не поможет!

Во взгляде его читались безграничный ужас и полное крушение надежд.

Рис колебался. Коул, безусловно, прав. Даже если устроить так, чтобы храмовники увидели его и тут же не забыли, помощи от них не дождешься. Скорее всего, они решат, что Коул подпал под власть демона. Что касается магов, в Коуле они увидят лишь убийцу шестерых

своих собратьев... и Рис вовсе не был уверен, что сумеет их разубедить. Коул болен. Чтобы избавиться от некоей напасти, он убивал других людей. Разве это не преступление?

Он вскинул руки, чтобы не дать Коулу сбежать.

– Больше так продолжаться не может, – твердо изрек он. – Так или иначе, но убийства должны прекратиться.

– Не надо! – всхлипнул Коул. Он так страдал, что не сочувствовать ему было невозможно. – Правда, я не хотел тебя сердить! И не хочу, чтобы ты перестал со мной разговаривать!

– Тогда пойдем со мной.

– Не могу!

С этими словами Коул опрометью метнулся к двери. Рис бросился было за ним, но, поскольку в одной руке сжимал посох, сумел лишь другой ухватить Коула за край кожаной куртки. Этого оказалось мало, и он едва не потерял равновесие, когда Коул сломя голову выскочил в темноту коридора.

– Проклятье!

Рис не хотел ничего подобного. Он выбежал из комнаты вслед за Коулом и остановился на пороге. Свечение посоха озарило коридор, уходящий прямо вперед, и винтовую лестницу справа. Насколько помнил Рис, по коридору можно было добраться до темниц, а лестница уходила вниз, в недра Ямы. Там, на глубине, располагался запутанный лабиринт старинных переходов и залов, в том числе храмовнических усыпальниц. Рис не видел, куда именно побегал Коул, а топот его ног доносился, казалось, отовсюду.

Тогда он помчался вниз по лестнице. В темницах наверняка ходят дозоры храмовников, и хотя Коула они разглядеть не в силах, беглец вряд ли направился бы туда. Рис перемахивал через две, а то и три ступеньки; с каждым поворотом лестницы он налетал на каменные стены. В глубине души Рис боялся, что снова покатится кубарем и тогда дело кончится куда хуже, но сейчас предпочитал пренебречь опасностью.

Наконец Рис достиг подножия лестницы и мгновение спустя заметил вдали Коула, бежавшего прочь со всех ног.

– Стой!

Рис пропустил через посох поток маны, и в темноту коридора сорвался ослепительно-белый шар. Он ударился о стену, едва не задев Коула, и ветхая кладка с оглушительным треском лопнула. Во все стороны брызнули осколки камней.

Коул громко вскрикнул от страха. Рис зажал рот ладонью, закашлялся в облаке каменной пыли, но упрямо помчался дальше. И наконец увидел Коула – тот сидел, сжавшись, возле груды камней, а с потолка над ним все еще сыпалось крошево осколков. Коул был весь в пыли, но, судя по всему, невредим. И это хорошо. Рис не хотел его смерти.

– Не вынуждай меня так поступать! – крикнул он на бегу, с трудом переводя дыхание. – Коул, ты должен пойти со мной! У тебя нет выбора!

И резко остановился. Коул вовсе не сжался в комочек от страха. Нет, он низко пригнулся, и глаза его опасно сверкали. В руке он сжимал кинжал с зазубренным лезвием – оружие убийцы... И видно было, что юноша сумеет пустить его в ход.

– Я не хочу тебя убивать, – вполголоса, с неприкрытой угрозой предостерег Коул.

Взгляды их скрестились. Гнев охватил Риса при мысли о том, что все это время он искренне сопереживал юнцу, который на поверку оказался волком в овечьей шкуре. Правда, Коул никогда и не утверждал, будто чист и невинен как младенец... но Рис все равно чувствовал себя жес-токо обманутым.

– Отчего бы и нет? – процедил он. – Я ведь тебя вижу. Убьешь меня – станешь настоящим.

Судя по тому, как дернулся Коул при этих обвиняющих словах, Рис мог с тем же успехом наотмашь ударить его по лицу. Впрочем, он не жалел о сказанном. Хватит нянчиться с этим паршивцем.

– Это твой последний шанс, – прибавил он, и шар в наверху посоха заискрился.

Глаза Коула сузились, и на долю секунды Рису по-чудилось, что юноша сейчас бросится на него. Внезапно Коул вскочил и метнулся прочь. Застигнутый врасплох, Рис ударил молнией из посоха, но Коул проворно отпрыгнул в сторону, и удар не достиг цели. Брызнуло каменное крошево, породив еще более густое облако пыли, и Рис отшатнулся, зашедшись отчаянным кашлем.

Когда он пришел в себя и протер глаза, Коул исчез. Из огромных трещин в потолке сеялись осколки камня. Зря он так неосторожно – не хватало еще устроить здесь обвал. Впрочем, Рис не намерен был отступать. Как ни претила ему сама мысль о том, чтобы силой тащить кого-то к храмовникам, на сей раз придется поступить именно так. Единственный способ доказать, что убийства совершались не магами, – сдать храмовникам Коула и молиться Создателю, чтобы необычные свойства юноши не заставили их через пять минут забыть об этом.

Собравшись с духом, Рис нырнул в облако каменной пыли и бросился в погоню. Посох он держал перед собой, на бегу собирая в него энергию. В следующий раз он не промахнется.

Евангелина валилась с ног от усталости. Если б она осталась спать в своих покоях, как и задумывала ранее, то не обнаружила бы, что чародей Рис пропал. Незнание этого освободило бы ее от необходимости действовать, а к утру, вполне вероятно, чародей мог вернуться к себе – и концы в воду. Евангелина прекрасно знала, что маги тайком шныряют по всей башне. Словно крысы, ухитрялись они выискать заветный темный уголок или потайной ход, где можно было без помех насладиться уединением. В обычных обстоятельствах Евангелине и в голову бы не пришло беспокоиться из-за такого пустяка.

Сейчас, однако, обстоятельства изменились, и храмовница это прекрасно понимала. Еще раз проверить пост, выставленный в общем зале, а уж потом спать – так она велела себе. Часовой сперва мямлил и отнекивался, уверяя, что не покидал пост. Это, естественно, означало, что на деле все было иначе. Нарочито небрежным тоном он доложил, что заметил на лестнице свет, будто кто-то нес в руке лампу, – по крайней мере, так ему показалось. Вот тогда-то Евангелина в точности поняла, что произошло.

Казалось бы, храмовники, из года в год стерегшие магов, должны были свыкнуться с тем, что их подопечные пускали в ход не только молнии, но и прочие чары. Видимо, служба в ордене никак не способствовала развитию воображения. Если учесть, что чародей Рис обладал даром общения с духами, не так уж трудно догадаться, что именно отвлекло внимание часового.

И вот теперь Евангелина вслед за Первым Чародеем Эдмондом поднималась по длинной лестнице в комнату, где хранились филактерии. Эдмонд освещал дорогу сиянием посоха, однако тьма все так же упорно со всех сторон подступала к идущим. Старый маг почти на каждом шагу спотыкался и останавливался, чтобы протереть покрасневшие от изнеможения глаза. Евангелина всей душой сочувствовала ему, но другого пути у них не было.

Миновало не так уж много времени, когда лестница вывела их в небольшой зал, за которым располагалось хранилище филактерий. Голые каменные стены подпирали массивный свод. Дверь хранилища – искусный механизм гномьей работы – представляла собой ряд перекрывающих друг друга кругов, отлитых из бронзы, стали и прочих сплавов, которым Евангелина даже не знала названия, – достаточно прочных, чтобы выдержать самый мощный и слаженный удар магии. Вся башня могла бы обрушиться до основания, но на этой двери не осталось бы даже царапины. Само собой, то, что хранилось за дверью, в этом случае тоже превратилось бы в прах, и потому Евангелина не могла понять, почему хранилище не разместили в подземных ярусах башни. По всей вероятности, орден предпочитал держать филактерии наверху, чтобы магам труднее было до них добраться, – так жестокосердая нянька трясет блестящей погремушкой высоко над головой отчаянно вопящего младенца.

По обе стороны от двери хранилища мерцали красноватым светом две стеклянные пластины. Два ключа, открывающих вход: один – для мага, другой – для храмовника. Только таким образом, как установилось с самого зарождения Церкви, и можно было проникнуть внутрь.

Перед дверью хранилища стоял часовой в доспехах храмовника. Он вытянулся столь старательно, что можно было не сомневаться: еще минуту назад он мирно дремал.

– Капитан! – воскликнул он, лихо отдав честь.

За сон на дежурстве часовой заслуживал выволочки, но пост у входа в хранилище и вправду был самым скучным во всей башне. Раньше здесь вовсе не было охраны, а появилась она только после мятежа в Киркволле: рыцарь-командор Эрон счел такое решение благоразумным. И все равно вряд ли можно было ждать, что кому-то понадобится войти в хранилище глубокой ночью. Бедному стражнику попросту не повезло.

– Весь в трудах, как я погляжу? – Евангелина приблизилась.

– Так точно, сер!

Часовой усиленно заморгал, и на лбу его заблестели капли пота. Холеное лицо говорило о знатном происхождении, – по всей вероятности, второй или третий сын захудалого дворянского рода из дальнего закутка империи, втайне наверняка страдающий от того, что сделать карьеру в ордене оказалось не так легко, как он мечтал.

– Отойди, – раздраженно махнула Евангелина, и часовой едва не взвизгнул, спеша убраться с ее пути.

Евангелина повернулась к стоявшему рядом Первому Чародею:

– Приступим?

Маг выглядел так, словно от усталости вот-вот рухнет с ног.

– Сер Евангелина, ты уверена, что это так уж необходимо?

– Один из вас пропал в ночь после того, как было совершено покушение на жизнь Верховной Жрицы. К тому же незадолго до исчезновения мы допрашивали его насчет убийств. Я считаю такое совпадение подозрительным, а ты?

– Это странно, но само по себе не преступно.

– Если хочешь, разбудим Лорда-Искателя и спросим, что он об этом думает.

Первый Чародей безнадежно ссутулился. Тяжело вздохнув, он прошаркал к одной из прозрачных пластин и приложил ладонь. Красный свет, отзываясь на его прикосновение, забурлил, всколыхнулся и преобразился в голубой. Кивнув, Евангелина направилась к другой пластине, сняла латную перчатку и повторила действие Первого Чародея. Тотчас сквозь ее ладонь хлынула струя магической энергии, и вторая пластина тоже медленно поголубела.

Хранилище содрогнулось, издав звучный стон, и эхо его заметалось по всему залу. Завертелись шестерни, и металлические круги, из которых состояла дверь, начали плавно расходиться в стороны. Евангелина зачарованно смотрела, как они накладываются друг на друга... и наконец запор лязгнул в последний раз и стих. Небольшая панель в центре отошла прочь, обнажив дверную ручку.

Евангелина решительно шагнула к ней, резким взмахом руки отогнала разинувшего рот охранника и налегла на ручку. Массивная дверь отворилась на удивление легко и притом почти беззвучно, как будто ее петли в последний раз смазывали только вчера, а не много столетий назад. Да, гномы – настоящие мастера.

Зал без окон, находившийся за дверью, был огромен. Шесть могучих колонн – пять по краям зала, одна в центре – высились до самого свода. Все они были выложены рядами хрупких стеклянных сосудов и окружены металлическими винтовыми лестницами. В каждом сосуде содержалось несколько капель крови, которую брали у всех магов при вступлении в Круг. Сосуды были насквозь пропитаны магией, и оттого кровь, хранившаяся в них, светилась. Со стороны казалось, что колонны покрыты сотнями и сотнями сумрачно сверкающих драгоцен-

ных камней, а свечение сосудов, сливаясь, озаряло зал зловещим багрянцем. Цветом запретной магии.

Евангелина терпеть не могла хранилище. Сосуды с кровью непрерывно вибрировали, и эта вибрация не столько слышалась, сколько ощущалась всей кожей. С каждой минутой, проведенной в этих стенах, ощущение усиливалось и в итоге едва не сводило с ума. В представлении Евангелины, филактерии были слишком близки к магии крови, но поскольку орден считал их полезными, он и не возражал против существования филактерий. Толика ханжества во имя благой цели.

Первый Чародей Эдмонд стоял рядом с Евангелиной, взирая на колонны с откровенным отвращением. Старческой морщинистой рукой он потер лоб и лишь тогда обнаружил, что храмовница наблюдает за ним.

- Рис – славный малый, – проговорил он, словно отвечая на незаданный вопрос.
- Ты и про Жанно сказал бы то же самое?
- Нет, хотя сомневаюсь, что ты мне поверишь.
- И правильно делаешь.

Евангелина подошла к центральной колонне, потрогала металлическую лестницу, которая обвивала ее, – просто убедиться в прочности последней. Казалось немыслимым, чтобы такая субтильная конструкция выдержала вес человека, если он решит подняться на самый верх, но до сих пор узкие ступеньки ни разу даже не прогнулись у нее под ногами. И все равно она неизменно – ради собственного спокойствия – ощупывала лестницу.

Евангелина осторожно начала подъем. Она заметила, что некоторые сосуды перестали светиться. Обычно это означало, что маг, чья кровь помещена в сосуд, умер. Надо будет предложить, чтобы Усмиренные изъяли ненужные филактерии, – давненько здесь, как видно, не наводили порядок. Впрочем, к кому она обратится с этим предложением? К Лорду-Искателю? Евангелина сильно сомневалась, что этого человека интересуют такие мелочи, как повседневное управление делами башни.

Филактерия чародея Риса нашлась примерно посередине колонны. Хотя так и значилось в описи, Евангелина для страховки проверила рунический знак на сосуде. Она нередко задумывалась, способны ли ошибаться Усмиренные, которые занимаются ведением описей. Усмиренные, как правило, нечеловечески методичны и, поскольку их не обуревают страсти, считаются благонадежными... но не слишком ли храмовники на них полагаются? Все эти люди когда-то были магами, и хотя у них не осталось прежних чувств, кто знает, может быть, когда-то случится так, что и Усмиренный восстанет против ордена.

Церковь всегда утверждала, что это невозможно. Правда, Церковь некогда считала немыслимым и мятеж магов.

– Что же, нам теперь вовсе запрещено покидать свои комнаты? – спросил снизу Первый Чародей. – Магам всегда разрешали свободно перемещаться в пределах башни. Нельзя же почти начисто лишить человека свободы, а потом отбирать жалкие остатки и надеяться, что он просто исчезнет.

– Потому что иначе взбунтуется? Как взбунтовались в Киркволле? – Голос Евангелины прозвучал излишне раздраженно. Спускаясь с филактерией по лестнице, она постаралась взять себя в руки. – Условия там, уж поверь, были куда суровой здешних. Если вспомнить, чем все это закончилось, то даже ты, надеюсь, согласишься, что сравнения неуместны.

Первый Чародей пожал плечами:

– Покушение на жизнь Верховной Жрицы, спору нет, чудовищная глупость. Я прошу одного – чтобы за это не пришлось расплачиваться всем нам.

Евангелина сошла с лестницы и повернулась к нему:

– Вполне возможно, что чародей Рис вовсе не замешан в этом деле. Что, если сейчас он валяется где-то с ножом в груди, потому что кто-то другой решил таким образом прикрыть свою вину? Нравится вам это или нет, но храмовники нужны и для того, чтобы защищать магов.

– Даже если эта защита нас убивает? – Старик рассеянно махнул рукой, предупреждая резкую отповедь храмовницы. – Извини. Время позднее. Ты нашла то, что искала?

– Да.

– Тогда пойдем отсюда.

Они вышли из хранилища, и Евангелина отпустила Первого Чародея. Без единого слова он заковылял вниз по лестнице, а часовой со смиренным видом закрыл за спиной Евангелины дверь. Он явно разрывался между двумя стремлениями – притвориться, будто ничего особенного не случилось, и подлизаться к старшей по чину. Евангелина решила, что еще задаст ему жару.

Она поднесла к глазам филактерию и внимательно ее осмотрела. «Ну что же, проверим, куда ты девался». Сосредоточившись, Евангелина направила на сосуд с кровью лучик энергии. Алое свечение запульсировало, а затем медленно набрало силу.

Стало быть, Рис еще в башне. Уже легче.

Евангелина двинулась вниз по лестнице, ни на миг не отрывая глаз от сосуда. Чем ниже она спускалась, тем ярче светилась кровь. Это не помогало найти Риса, зато подсказывало, что она движется в нужную сторону, – и так Евангелина, минуя ярусы со спальнями магов, установила, что пропавший чародей находится еще ниже. Стало быть, он воспользовался тайным ходом, если только часовой в общем зале не отошел от своего поста дальше, нежели утверждал.

Она шла и шла по сумрачным коридорам башни, и зловещее свечение филактерии освещало ей путь. Во внутреннем дворе, где обычно упражнялись храмовники, сейчас не было ни души. Тишина царилась и в безлюдной часовне, лишь Вечный Пламень, плававший в священной жаровне, свидетельствовал о том, что сюда все-таки приходят молиться. Евангелина была совершенно одна и не слышала вокруг ни единого звука, кроме эха собственных шагов.

Наконец филактерия привела ее ко спуску в Яму. Правду говоря, в этом не было ничего неожиданного. Если чародей и впрямь так близко, как показывает яркое свечение крови, а на жилых ярусах его нет, то где еще ему ошиваться, как не в Яме?

Первым делом Евангелина направилась в темницы. И не потому, что надеялась отыскать там Риса, – филактерия, что и понятно, с ней согласилась, – а потому, что не собиралась в одиночку отправляться на поиски опасного (вполне вероятно) мага, не предупредив никого о своих намерениях. Недавнее происшествие на дворцовом балу еще раз напомнило ей, что даже один-единственный маг может оказаться довольно грозным противником.

Темницы были отвратительным местом. Остались они с тех времен, когда башня еще не принадлежала Церкви, но служила укрепленной резиденцией императора Кордилия Драккона. Именно он основал Церковь в те давние смутные времена, когда повсюду множились уродливые культы и бесновалась еще не укрощенная магия. Евангелина подозревала, что когда-то в темницах не было ни одной пустой камеры и старинная пыточная тоже не простаивала без дела. Храмовница содрогалась при мысли, что орудия пыток, до сих пор пылившиеся там, снова будут пущены в ход.

И ведь такое может случиться, если маги зайдут слишком далеко. У Евангелины хватало ума это понять, у магов – как она надеялась – тоже.

Два храмовника, сидевшие в тюремной кордегардии, увлеченно резались в карты. При виде офицера они хотели было вскочить, но Евангелина покачала головой – не надо.

– Не спится, рыцарь-капитан? – спросил один.

– Ищу пропавшего мага. – Евангелина показала филактерию.

– Мы никого не видели.

– Да я тоже не думаю, что он первым делом побежал бы сюда, – хмыкнула Евангелина. – Просто решила предупредить вас, что собираюсь побродить по Яме. На всякий случай.

Мужчины обменялись многозначительными взглядами.

– Ждешь неприятностей? Хочешь, кто-нибудь из нас пойдет с тобой?

– Не нужно. Проверьте камеры. Убедитесь, что все заключенные целы и невредимы.

Евангелина тронулась было с места, но остановилась, заметив, что один из стражников выглядит обеспокоенным.

– В чем дело, сер? – напрямик спросила она.

Тот с виноватым видом отвернулся от напарника, который смерил его уничтожающим взглядом.

– Я... слышал какие-то странные звуки. Оттуда, снизу.

– Какие именно?

– Да самые обычные! – категорично заявил второй стражник.

Это уже было интересно. Евангелина скрестила руки на груди и, вскинув брови, вопросительно глянула на храмовников:

– И что ты считаешь «обычными звуками»? Я сама давно уже не несла стражу в темницах, но для кого-то, возможно, это самый первый пост.

– Послушай, что я скажу! – Стражник вскинул руки, словно защищаясь от невысказанных обвинений. – В таких ветхих местечках всяких звуков полным-полно. Снизу то и дело доносится какой-то шум. То рушится кладка, то булькает что-то в сточных ходах. Если бросаться туда всякий раз, когда что-то послышится, так всю ночь и пробегаешь в темноте.

– А еще это может быть Призрак Башни, – с некоторым смущением вставил первый.

Евангелина выразительно закатила глаза. До нее уже доходили слухи о призраке – очередная чушь, состряпанная магами, но вот чтобы об этом заговорил храмовник... Впрочем, пресловутый призрак вполне мог оказаться демоном – тем более что в башне обнаружили маги крови, а такая возможность придавала пустячным сплетням некоторый вес. По сути, ей следовало серьезнее отнестись к рассказам о призраке.

Евангелина покинула темницы и спешно устремилась дальше.

Будучи незнакома со здешними местами, она все еще разыскивала дорогу к нижним коридорам, когда в первый раз услышала странный звук. Отдаленный грохот, чем-то похожий на раскаты грома... или взрыв. Она перешла на бег и опрометью помчалась вниз по лестнице, на ходу выхватив из ножен меч. И тогда услышала еще кое-что – сухой и резкий треск молнии. Внизу кто-то творит заклинания.

Что, во имя Создателя, там происходит? Бой?

Евангелина бежала по коридорам, держа перед собой филактерию, чтобы следить, насколько ярко светится кровь в сосуде. Дважды ей пришлось повернуть назад, потому что впереди оказался тупик, а в третий раз – когда она выяснила, что коридор ведет совсем в другую сторону. Евангелина выругалась сквозь зубы, отчасти коря себя за то, что с самого начала не подняла на ноги всю башню, отчасти поминая недобрым словом безымянных идиотов, которым некогда пришла в голову блестящая идея устроить в подземелье лабиринт. Ордену следовало запечатать эту часть Ямы еще несколько веков тому назад.

А потом Евангелина ворвалась в усыпальницы храмовников и тогда наконец увидела чародея Риса. Он стоял рядом с одним из больших саркофагов, а статуя, ранее возвышавшаяся на крышке, теперь валялась грудой обломков на полу. В воздухе висело облако пыли и едко пахло дымом. Сам маг с ног до головы был измазан грязью, и... стоп, что там у него на лице? Кровь? Посох в руке чародея сверкал и искрился силой, явно готовый к очередной атаке.

– Ни с места, маг! – выкрикнула Евангелина, взмахнув мечом. – Посмей только ослушаться, и тебе конец!

Вздрыгнув от неожиданности, Рис стремительно развернулся к ней. Мгновение казалось, что сейчас он ринется в драку... но затем маг узнал Евангелину, и свер-кание, окутавшее посох, погасло. Рис невесело ухмыльнулся.

– Кого я вижу, – проговорил он. – Доброй ночи, сер Евангелина. Что привело тебя в закоулки Ямы?

– Шум, а также пропавший маг.

Рис кивнул, теперь уже посерьезнев:

– Полагаю, это было неизбежно.

Каким-то образом он ухитрился даже под слоем грязи оставаться привлекательным. Должно быть, дело в глазах – теплых, карих, как у ее отца. Будь они другого цвета, Рис – чернобородый, с резкими чертами лица – выглядел бы мрачно и даже зловеще. Оттого и не удалось понять, каков он на самом деле. То, как он держался в разговоре с Лордом-Искателем, свидетельствовало о храбрости... или о безрассудстве.

Евангелина решительно двинулась к нему:

– Изволь-ка объяснить, что ты здесь делаешь!

На долю секунды ей почудилось, что Рис и впрямь готов подчиниться этому требованию. Во всяком случае, видно было, что он, сосредоточенно хмурясь, размышляет над такой возможностью... однако в итоге маг покачал головой:

– Ты мне все равно не поверишь.

– Не поверю? – Евангелина рискнула шагнуть ближе – так, что острие меча едва не касалось груди мага.

Рис скосил глаза на клинок, но не шелохнулся. Стало быть, он не полезет в драку. Отлично.

– А что, по-твоему, я должна подумать? Вначале Лорд-Искатель допрашивал тебя, а потом ты тайком ускользнул сюда... зачем? Чтобы разрушить усыпальницу? Выместить зло на беззащитном камне?

– Это не совсем так.

– Ты с кем-то сражался. С кем?

Говоря это, Евангелина зорко следила за магом. Она заметила, как он украдкой глянул на темный угол в дальнем конце усыпальницы. Она тоже посмотрела туда, но увидела только каменные плиты, пятна сажи да клочья дыма. Рис определенно метал заклинания... но в кого?

– Ты видишь кого-нибудь, с кем я мог бы сражаться? – уклончиво, вопросом на вопрос ответил маг.

Евангелина помедлила. Вполне возможно, что неведомый противник Риса уже скрылся. Она вошла сюда через единственный вход, но в усыпальнице наверняка могло обнаружиться с десяток тайных выходов. И все же... что-то здесь было не так.

– Нет, не вижу. – Евангелина опустила меч – ненамного, самую малость. – Однако это не ответ.

Чародей ничего не сказал, лишь рассеянно потер лицо. На щеке его под слоем грязи наверняка скрывалась рана, и он, когда опустил руку, с искренним недоумением уставился на окровавленную ладонь.

– Итак, – проговорил он легкомысленным тоном, словно они вели светскую беседу где-нибудь в коридорах башни, – как ты теперь намерена поступить?

– Ты не оставил мне выбора. Придется подержать тебя в камере, пока я не разберусь с этим делом.

– В камере? Вот уж не знаю...

Евангелина не дала ему договорить. Она прыгнула вперед и, развернув в прыжке меч, ударила мага рукоятью в затылок. Застигнутый врасплох, Рис мгновенно обмяк и повалился

на пол, словно мешок с картошкой. Посох его погас, и теперь усыпальницу освещало только алое сияние филактерии.

Стоя над Рисом и не опуская меча, Евангелина пристально оглядела усыпальницу. Здесь должно было найтись нечто подозрительное... но она увидела лишь струйку дыма, тянущуюся над поверженной статуей, да густое облако пыли. В остальном было тихо и недвижно.

«Дыхание Создателя! Что же ты здесь делал, маг?»

Чу! Вроде бы краем глаза она уловила какое-то движение? Евангелина крепче стиснула меч и крадучись, бесшумным шагом двинулась в дальний угол усыпальницы. Она тщательно осмотрела все зазоры между саркофагами, обыскала все темные местечки – не затаился ли там кто.

Пусто.

Храмовница зябко поежилась. Слишком много здесь статуй, изображений людей, которые умерли так давно, что имена их стерлись даже с эпитафий. И слишком много в последнее время велось разговоров о призраках. От этих мыслей по спине пробежал холодок... а Евангелина этого терпеть не могла. Со страхом не повоюешь.

Она вернулась к Рису, который так и валялся без сознания. Сунув меч в ножны, Евангелина не без труда взвалила мага на плечо и побрела к выходу. Она шла и чувствовала, как волосы на затылке встают дыбом.

И не могла отделаться от ощущения, что за ней следят.

Глава 5

Рис очнулся в темноте, не имея ни малейшего понятия, где находится.

Первым, что он ощутил, была невыносимая боль, от которой раскалывалась голова. Затем нахлынула паника, и лишь позднее он вспомнил угрозу Евангелины. Руки его были скованы. В ноздри бил едкий запах пота. Он в темницах башни, и ему не оставили даже одеяла, чтобы согреться.

Рис провалился так, казалось, целую вечность, дрожа от холода и борясь с тошнотой. Иногда он задремывал, но тут же просыпался. К тому времени, когда наконец явилась Евангелина, Рис едва не свихнулся. Он был почти уверен, что торчит в камере уже месяц с лишним, и немало изумился, когда храмовница сухо сообщила, что на самом деле миновал от силы день.

За этим сообщением последовал допрос. Что делал Рис на подземных ярусах? Как он туда попал? Кто его сообщники? Словом, те же вопросы, которые Евангелина задавала в усыпальнице, вот только сейчас ему выдавалась и впрямь последняя возможность ответить. Рис упорно молчал: время говорить правду прошло. Даже если бы он хоть в малой степени надеялся, что храмовники ему поверят, – а он и не надеялся вовсе, – такую невероятную историю они сочли бы только ложью, состряпанной во имя спасения собственной шкуры.

И Рису вдобавок было совершенно ясно, чего ждет от него Евангелина: признания, что он отправился в усыпальницу для встречи с заговорщиками-либертарианцами. Рис едва не спросил вслух, кто, по ее мнению, были эти заговорщики, неужели той ночью пропал еще кто-то из магов? Быть может, Евангелина решила, что он заодно с храмовниками? При этой мысли Рис похолодел. Если бы только он в силах был сочинить ложь, которая ее устроит!

В конце концов храмовница с отвращением покачала головой и ушла. Рис едва не взмолился ей вслед, чтобы принесли воды, но что в том проку? Умереть от жажды было бы, скорее всего, благом по сравнению с тем, что для него уготовили.

А значит, ничего не оставалось, как только ждать неизбежного. Время в темноте тянулось медленно. Боль в голове постепенно утихла, зато заныл живот. Рис проклинал скованные руки и ерзал, безуспешно пытаясь устроиться поудобнее на холодном каменном полу. Иногда ему случалось поспать, правда без сновидений. Все прочее время он просто лежал наедине со своими мрачными мыслями.

Придет ли по его душу Коул? Вот он, Рис, способный его увидеть, со скованными руками и совершенно беззащитный. Храмовники решат, что его смерть – дело рук заговорщиков-магов, которые таким образом стремились заткнуть ему рот. Поймет ли Коул, что со скованными руками Рис не в силах сотворить приличного заклинания? Положим, он сумел бы призвать какого-нибудь духа; возможно, даже смог бы открыть дверь камеры. И что дальше? Единственный выход отсюда – коридор, где стоит стража да еще полным-полно древних ловушек, которые в один миг превратят его в жаркое.

Всякий раз, когда Рис открывал глаза, он ожидал увидеть Коула, который сидит на корточках напротив и сверлит его печальным и испуганным взглядом. Иногда Рис был твердо уверен, что в такую минуту задохнется от безмерного ужаса, а порой испытывал только гнев и неумное желание осыпать мальчишку проклятиями за то, что втянул его в этакую передрагу, выкрикнуть в лицо: «И зачем только я тебя увидел?» Однако в самые тягостные минуты заточения, лежа на голом полу, мучаясь от голода и жажды, Рис подумывал о том, что, пожалуй, был бы рад узреть Коула. Знакомое, близкое лицо того, кто пришел избавить его от участи хуже смерти.

И тогда он плакал в темноте, всеми силами стараясь изгнать из головы подобные мысли.

Надо было ему, когда Коул отказался идти с ним к храмовникам, попросту повернуться и уйти. Подняться по лестнице к себе и молча надеяться, что все обойдется. Но что, если бы

Коул совершил новое убийство? Храмовники увидели бы, что их опасения подтверждаются, и за преступление одного заплатили бы с лихвой все маги башни.

Впрочем, не исключено, что так и будет. Это вопрос времени. Что бы храмовники ни сделали с ним, Рисом, рано или поздно они возьмутся за Адриан... равно как и за любого мага, который вызовет у них подозрение. Может, все-таки стоит сказать им правду? Если его так или иначе убьют – что он теряет?

А может быть, его и не убьют. Сделают Усмиренным. Каково это – прожить остаток жизни, никогда и ни о чем не беспокоясь? Быть довольным и покорным, сознавать, что с тобой сотворили, но ничуть не беспокоиться об этом? Расскажет ли он тогда храмовникам про Коула? Выложит ли всю правду, не заботясь о том, к чему это приведет?

Нет, они не посмеют. У них нет никаких улик. И суда над ним не было. Все, что есть у храмовников, – смутные подозрения да то, что Рис оказался в неподобающем месте в неподобающее время. И одного этого хватит, чтобы вычеркнуть его из жизни? Всего лишь потому, что храмовники опасаются, как бы он чего не натворил?

Вспышка гнева отчасти согрела похолодевшее сердце Риса – здесь, в холодной камере, это ощущение было даже приятным. Пусть приходят. Пускай придет Коул. Он использует все заклинания, какие только сумеет применить, он будет драться – и плевать на последствия.

К моменту, когда дверь камеры вновь открылась, Рис уже был готов к такому исходу. Он лежал, затаившись, и зернышко магии, заботливо взлелеянное в груди, ждало возможности расцвести смертоносным взрывом.

– Чародей Рис. – Храмовник остановился на пороге. Голос его прозвучал обыденно, и миг спустя он бросил на пол стопку сложенной одежды. – Облачайся. Я проведу тебя в купальню.

– В ку... купальню? – Рис не знал, что и думать.

– Тебя освободили.

– Долго я здесь пробыл?

– В камере? Четыре дня. А теперь поторопись.

С этими словами стражник развернулся и вышел, оставив дверь открытой. Рис поморгал, с трудом веря услышанному. Четыре дня? Ему-то показалось, что прошла неделя, не меньше. Впрочем, без воды и питья он бы через неделю наверняка уже испустил дух. Рис попытался удержать накопленную ярость, но та протекла сквозь пальцы как песок. Не важно почему, но все-таки его освободили.

Он снял измазанную засохшей грязью мантию, оделся в чистое и осторожно выглянул в коридор. Из кордегардии доносились мужские голоса и даже смех, а потому Рис двинулся туда. То была, вне сомнения, самая невероятная прогулка в его жизни. В кордегардии обнаружили трое храмовников. Они попивали вино и на Риса глянули как ни в чем не бывало.

– Вода на столе, – сказал стражник, выпустивший его из камеры. – Еда тоже.

Рис проследил за его жестом и увидел оловянную кружку, возле которой стояла миска похлебки. Запах мяса притянул его как магнит, и не успел он глазом моргнуть, как уже всю похлебку проглотил. Запах давно остывшей похлебки давно остыл и даже подернулась жирком, но Рису на это было наплевать. Он так поспешно набивал рот едой, что едва не подавился, но все равно – никогда у него не было такой восхитительной трапезы. Вода омывала его пересохшее горло, как божественный нектар.

А потом Рис повалился на пол, скрючившись от невыносимой боли в желудке. Он стоял на коленях, обхватив руками живот, а стражники, глядя на него, от души хохотали. Наконец боль утихла, и все тот же храмовник, ухватив Риса за плечо, рывком поднял его на ноги.

– Пошли уж, – не без сочувствия хмыкнул он.

Очень скоро Рис оказался в совершенно другом месте башни – комнатке, где в окно струился солнечный свет. Глаза тут же заслезились от боли, и Рис бессильно зажмурился, гадая, зачем его привели сюда. Из-за двери доносился плеск воды, лившейся в ванну, пахло аромат-

ными солями. Риса охватило дурное предчувствие. Он ощутил себя агнцем, которого готовят к жертвенному закланию.

Минуту спустя в комнату вошла молодая эльфийка. На ней была серая неброская мантия, а на лбу – Рис мгновенно разглядел это – блеклый знак священного солнца. Метка Усмирения.

– Ванна готова, – монотонно проговорила она. – Можешь мыться.

С этими словами эльфийка протянула руку, но Рис этого будто не заметил.

– Это... больно? – дрогнувшим голосом спросил он.

– Вода не причинит тебе боли.

– Нет, я про... – Рис указал на метку.

И подумал было, что вопрос бестактный, но тут же напомнил себе, что Усмиренного оскорбить невозможно. Впрочем, слабое оправдание. В башне Рис постоянно сталкивался с Усмиренными. Они занимались всякими хозяйственными делами, так что, казалось, он должен был свыкнуться с их присутствием, но все равно ему становилось не по себе, и он знал, что большинство магов испытывали те же чувства. Чаще всего маги пытались сделать вид, будто Усмиренные – лишь часть окружающей обстановки и никогда прежде не были такими же, как они.

Эльфийка моргнула и наклонила голову. Этот жест мог обозначать смятение, но Рис не поручился бы, что не ошибся.

– Ритуал Усмирения, – ровно уточнила она. – Мне не позволено говорить о нем. Тебе это известно.

– Если меня собираются сделать таким, как ты, я хочу это знать.

– Я не готовлю тебя к ритуалу. Тебе надлежит предстать перед собранием магов в парадном зале.

Женщина повернулась и плавным шагом направилась в соседнюю комнату. Рис молча последовал за ней.

– Лорд-Искатель велел привести тебя в порядок, и меня прислали помочь тебе при купании.

И действительно: в соседней комнате обнаружилось несколько бронзовых ванн, а одна была почти до краев наполнена горячей водой. Рис никогда прежде здесь не бывал, так что эта купальня, скорее всего, находилась в казармах храмовников. Странно. Недоумевая, он повернулся к эльфийке:

– Стало быть, я свободен? Меня просто освободили, и все?

– Мне об этом ничего не известно.

Рис колебался долю секунды, а затем решительно сбросил мантию и забрался в ванну. Стеснительность тоже относилась к тем качествам, которых Усмиренные лишались раз и навсегда. Женщина проследила за ним ничего не выражающими глазами и, когда он погрузился в воду, подала ему полотенце. Рис, стараясь не глядеть на ее лоб, невнятно пробормотал слова благодарности, и эльфийка направилась к выходу.

На пороге она остановилась и обернулась к Рису.

– Если я и испытывала боль, – негромко проговорила она, – теперь это не имеет ровным счетом никакого значения. Когда-то мне был ведом только страх, теперь – одно лишь чувство долга. Какова бы ни была та боль, обмен, я полагаю, равноценный.

И Усмиренная ушла. Рис сидел по горло в почти кипящей воде, и все же по спине его пробежал явственный холодок.

Через час он уже был в парадном зале. Это громадное помещение находилось не внутри самой башни, а примыкало к ее нижнему наземному ярусу. Оно служило главным входом в башню; по нему в давние времена шествовали в окружении свиты бесчисленные короли и королевы, а затем и первый император Орлея. Трон, само собой, давно убрали, но роскошные ароч-

ные своды и витражные окна зала до сих пор выдавали былое величие. Теперь парадный зал стал свидетельством мощи ордена храмовников, и его великолепие неизбежно напоминало об этом магам в тех редких случаях, когда им бывало дозволено здесь собраться.

Парадный зал был изрядной длины, пол выложен шахматным узором из черных и серых плиток. Вдоль стен с двух сторон тянулись рядами кресла, однако сейчас они пустовали. Все прибывшие толпились посреди зала, то и дело сбиваясь в группки и возбужденно переговариваясь. Насколько Рис сумел определить на глаз, здесь было свыше нескольких сотен магов, даже самые молодые ученики – словом, весь Круг в полном составе.

Он стоял на входе, изумленно взирая на это зрелище. До очередного традиционного собрания магов оставался самое меньшее месяц, а если вспомнить о покушении на жизнь Верховной Жрицы, то Рис мог бы побиться об заклад, что храмовники запретят даже это мероприятие.

И тут перед взором Риса промелькнули знакомые буйно-рыжие кудри – это Адриан, вынырнув из толпы, направлялась напрямик к нему.

– Тебя выпустили из темницы? – воскликнула она, подойдя ближе. – Вот это неожиданность!

Рис приветственно ухмыльнулся ей:

– Храмовники не устояли перед моим непобедимым обаянием.

– Меня это ничуть не удивляет.

Рис указал жестом на толпу магов, многие из которых украдкой поглядывали в его сторону:

– Какое занятное зрелище. Не скажешь ли, зачем здесь собрался весь Круг?

– Хм, я как раз собиралась спросить об этом у тебя. Никто не знает. Тайна.

– Обожаю тайны! Может, сделают какое-то важное объявление?

– Да, я тоже об этом думала. Возможно, Лорд-Искатель желает обратиться к нам с речью? – Адриан усмехнулась. – Или же собрать всех магов в одном месте, чтобы храмовникам проще было нас перебить.

– Признай, в расторопности им не откажешь.

Женщина невесело хмыкнула и, взяв Риса под руку, повела его в зал. Шаги их по мраморному полу отдавались гулким эхом, привлекая любопытные взгляды присутствующих. Адриан этого словно не замечала, но Рису все-таки становилось не по себе. Считают ли эти люди, что именно он виноват в том, что сейчас происходило в башне? Много ли им рассказали? Словно прочтя его мысли, Адриан на ходу подалась к нему:

– В башне только и разговоров было, что о тебе. Первый Чародей сообщил, что ты пропал, но и только. Храмовники и вовсе не пожелали говорить.

– Откуда же ты узнала, что я был в темнице?

– Мы, само собой, подняли шум, и я была в первых рядах. Целая толпа явилась требовать ответа у храмовников. Те схватились за мечи – словом, все как обычно. Ты пропустил недурную потеху.

– И все это из-за меня? Как трогательно.

– Не могла же я допустить, чтобы ты просто исчез, а пару недель спустя появился в башне уже Усмирненным. Да еще без малейших доказательств хоть какой-то вины. – Адриан насупилась, как бывало всякий раз, когда она нехотя воздавала собеседнику должное. – Первый Чародей поддержал нас. Он тоже был там, и с ним все старшие чародеи, и он потребовал встречи с Лордом-Ис-кателем.

Рис ограничился кивком, потому что на миг лишился дара речи. Он способен был высмеять любой порыв, но сама мысль, что прочие маги встали на его защиту, рискуя даже собственной шкурой, его совершенно обескуражила. Поступил бы он так же на их месте? Хотелось думать, что да.

– И чем же все закончилось? – наконец спросил он.

– Явилась сер Евангелина. – Адриан, произнеся это имя, выразительно закатила глаза. Она никогда не скрывала своего мнения об окружающих, и меньше всего – о храмовниках. – Она велела своим людям отступить, а нам сообщила, что ты посреди ночи тайком выскользнул из своей спальни. Отправился в Яму и даже вроде бы там с кем-то дрался.

На этих словах они дошли до середины зала, и Адриан помолчала, глядя на Риса с настороженным любопытством, после чего осведомилась:

– Скажи... ведь этого не было?

Вот оно, началось. Рис заметил, как несколько магов, торчавших поблизости, прервали разговоры и старательно притворились, что не прислушиваются к каждому его слову. Адриан так и распирало от желания узнать правду. И не только Адриан.

– Было, – неохотно признал он.

– Что именно было?

– Я спустился в Яму, – начал Рис, осторожно подбирая слова. – Мне нужно было кое-кого отыскать. Меня поймали, и на этом все кончилось.

– Тебе нужно было отыскать кое-кого?

– Да.

Глаза Адриан гневно сверкнули.

– Что ж, прекрасно. Можешь не говорить.

И она вновь увлекла Риса через зал, теперь уже погрузившись в угрюмое молчание. Ничего не поделаешь, у Адриан были все основания на него рассердиться. Уж если кто-то и мог поверить его рассказу о Коуле, так это именно Адриан... вот только что дальше? Она сразу восплает желанием сделать хоть что-нибудь, даже если не будет знать, что именно. Втянуть в эту историю Адриан означало бы только ухудшить положение – и ее самой, и всех магов башни.

Рис огляделся, надеясь заметить в толпе Первого Чародея. Ему, наверное, следует поблагодарить старика... или хотя бы извиниться за то, что причинил столько хлопот. В конце концов, Рис отправился искать Коула, чтобы избавить Круг от неприятностей, а не с целью навлечь на него новые беды. Увы, Первого Чародея нигде видно не было.

Наконец Адриан остановилась там, куда направлялась, – возле группы старших чародеев. Знакомые все лица: члены местного братства либертарианцев... вот только Жанно среди них, естественно, не было. Один из чародеев – эльф с длинными черными волосами и раскосыми, как у всех эльфов, глазами – приветствовал Адриан и Риса угрюмым кивком. Гарис был негласным предводителем братства до того, как его успешно вытеснила с этого места Адриан. Не интригами, конечно, а тем фактом, что ей и не требовалось кем-то руководить, чтобы настоять на своем.

А потому Гарис не питал ни малейшей симпатии к ним обоим. Рис платил ему тем же: Гарис был одной из причин, по которым он чурался тесных связей с местными либертарианцами и общался с ними разве что через Адриан.

– С возвращением, – поздравила Риса эльф. В его голосе не прозвучало ни намека на искреннюю радость.

– Откровенно говоря, я собирался пробыть в камере подольше, но разве можно было пропустить такое событие? Что это – неужели общее собрание? Потрясающе!

И Рис мысленно усмехнулся, заметив, как собеседник стиснул зубы в крайнем раздражении.

Адриан, сурово нахмурясь, скрестила руки на груди:

– Похоже, сер Евангелина сказала нам правду. Он действительно улизнул той ночью из своих покоев.

Гарис выразительно вскинул брови:

– Что ж, тем ббольшими глупцами мы оказались, когда заступались за тебя. Почему ты пошел на такое безумие, Рис? И почему храмовники тебя все-таки выпустили? – Глаза эльфа подозрительно сузились. – Что ты им рассказал?

– Ничего он им не рассказывал! – отрезала Адриан. Затем глянула на Рису, и по лицу ее вдруг промелькнула тень сомнения. – Ведь это так? Ты ничего не сказал храмовникам?

– Я ничего и не знаю.

– Это не помешало бы тебе состряпать какую-нибудь чушь, – проворчал эльф.

Рис пожал плечами:

– Я не дал храмовникам повода в чем-то обвинить либертарианцев, если ты намекаешь именно на это.

Гариса его ответ явно не убедил, но Адриан лишь отмахнулась от подозрений эльфа:

– Не важно. Мы снова в полном составе, и пора обсудить, каков будет наш следующий шаг. Если станем сидеть сложа руки, кончится тем, что храмовники припишут нам покушение на жизнь Верховной Жрицы. Сами знаете, что так и произойдет.

– Поглядим, – буркнул Гарис и повернулся к Рису. – Либертарианцы выступили в твою защиту, и, возможно, благодаря этому ты был освобожден. Скажи, ответишь ли ты нам услугой на услугу? Знаю, ты никогда душой не был с нами... но теперь-то будешь?

Какие-то нотки в голосе эльфа помешали Рису ответить сразу. Украдкой оглянувшись, он отметил, что их окружают одни только либертарианцы. Братство что-то задумало – и, вполне возможно, нечто серьезное. То ли им нужна помощь Рису, то ли они хотят его испытать. В любом случае разговор принимал опасное направление – особенно здесь, посреди многолюдного зала.

Этот вывод натолкнул Рису на еще одну мысль. Что, если либертарианцы и впрямь замешаны в покушении на Верховную Жрицу, а ему об этом никто не сообщил? И Адриан тоже в числе заговорщиков? Это вряд ли, она никогда не умела хранить секреты, но все же...

Адриан, как и все прочие маги, выжидаяще смотрела на него.

– Ну так что же? – наконец спросила она.

Счастливый случай избавил Рису от необходимости отвечать. Разговоры в зале внезапно стихли. Маги вразнобой двинулись к расставленным вдоль стен креслам, и шаги их отдавались в зале таким звучным эхом, что беседовать стало невозможно. Рис заметил, что меж людей, еще толпившихся посреди зала, сует Усмиренный, вполголоса просящий их разойтись.

– Похоже, наше время истекло, – пробормотал Гарис.

– Поговорим позже, – отозвалась Адриан. – Если только Лорд-Искатель не собирается нам таким образом сообщить, каких еще привилегий мы лишимся. И если нас всех не запрут по комнатам.

С этими словами она торопливо зашагала к двум свободным креслам – в первом ряду, само собой, – и жестом призвала Рису последовать ее примеру. Он так и сделал, предоставив Гарису корчить мрачные рожи в компании прочих либертарианцев.

Очень скоро по залу пронесся приглушенный шепот. Вошел Первый Чародей Эдмонд. Он был облачен в парадные одежды – черную парчовую мантию с золотой каймой и белый меховой плащ, который, казалось, своей тяжестью пригибал старика к полу. Первый Чародей опирался на посох, и каждый шаг его по мраморному полу сопровождался отчетливым стуком. Едва маги притихли, этот стук остался единственным, что нарушало воцарившуюся тишину. К тому времени, когда Первый Чародей дошел до середины зала, взоры всех собравшихся уже были устремлены только на него.

Эдмонд огляделся, поначалу не говоря ни слова. Вид у него был такой же изнуренный, как во время разговора в кабинете рыцаря-командора.

– Я рад, – начал он едва слышным голосом, – что вы пришли на это собрание и что все живы и благополучны. Времена нынче недобрые, друзья мои, и я не хочу, чтобы кто-то из нас

усложнял и без того напряженное положение. Наш дар способен принести немалое благо, если только мы...

Он замолк, оборвав фразу на полуслове, и прикрыл глаза. Никто из собравшихся не посмел подать голоса, и в зале было слышно лишь неловкое покашливание. Вновь открыв глаза, старик поднял руку и кивнул:

– Знаю, знаю. Я стар, и хотя считаюсь вашим главой, дело оборачивается так, что мне нечего вам сказать. Знали бы вы, как я сожалею об этом! – Он повернулся к дверям. – Впрочем, сейчас перед вами предстанет тот, кто, возможно, сумеет сказать вам больше, нежели дано мне.

Все головы разом повернулись к входу. В зал вошла женщина – немолодая, но, в отличие от Первого Чародея, несшая бремя лет с горделивым достоинством. На ней была мантия из голубого шелка, царственно-белый плащ ниспадал складками на мраморные плитки. Седые волосы женщины были стянуты на затылке в строгий узел, но от глаз не укрывалось, что когда-то она отличалась редкой красотой. Теперь она стала разве что привлекательной, и на лице ее лежала печать отягченной заботами зрелости, часто свойственной людям, которые облечены властью.

Эта гостыя не нуждалась в представлении, потому что все маги тотчас узнали ее: то была Винн, носившая титул архимага и девять лет назад геройски сражавшаяся с Мором в Ферелдене. Несмотря на это, ее ждал совсем не тот прием, какой обычно устраивают героям. Тут и там послышались вежливые хлопки, однако большинство магов хранили потрясенное молчание. В конце концов, именно Винн способствовала тому, что Коллегия чароделов, перед тем как Верховная Жрица объявила о ее роспуске, проголосовала против независимости магов. Очень многие в этом зале считали сей поступок предательством.

Рис внутренне застонал. Меньше всего он ожидал увидеть в зале именно Винн. Уж лучше бы это был Лорд-Искатель. Кто угодно, только не она.

– Глазам своим не верю! – прошипела на ухо ему Адриан.

– Да и я тоже.

Словно не замечая недоброго напряжения, Винн вежливо кивнула Первому Чародею, покидавшему зал. И обвела холодным взглядом собравшихся, то ли прикидывая их количество, то ли подзадоривая высказаться тех, кого возмущало ее появление. Желаящих не нашлось. Рису почудилось, будто на нем этот взгляд задержался чуть дольше, и он как можно старательнее отвел глаза. Затем Винн вскинула над головой белый посох. Ослепительная вспышка – и молния, вырвавшись из его навершия, ударила в сводчатый потолок. Миг спустя весь зал сотрясли раскаты грома, и витражные окна отозвались жалобным дребезжанием.

Послышались испуганные вскрики, многие маги обхватили руками головы, ожидая, что на них сейчас обрушится свод. Этого не произошло. Винн опустила посох и снова обвела взглядом рассеявшихся по креслам магов. Лицо ее посуровело.

– Таково наше могущество, – ровным голосом проговорила она. – Мы можем выпустить на волю страшную разрушительную силу – или же обуздать ее. Вот выбор, стоящий перед нами, и делать его надлежит мудро, поскольку эта мощь способна принести миру немалые беды.

Винн умолкла и подняла другую руку. Пальцы ее задвигались, выплетая сложный узор заклинания, и вскоре медленно соткался дух. Облик его лишь отдаленно можно было назвать человеческим, – казалось, что этот смутный силуэт образован тончайшими паутинками света. Дух смятенно парил перед Винн, и она протянула к нему руку. Пальцы ее насквозь пронизали зыбкий облик, от них разбежалась призрачная рябь. Лицо женщины озарилось почти материнской нежностью.

– А еще случаются времена, когда нам не оставляют выбора. – Винн взмахнула рукой, и дух растворился в воздухе. – Не все духи такие кроткие, и если завладеют разумом мага, маг превратится в чудовищное творение хаоса. – Винн шагнула к ученикам, в упор глядя на маль-

чугана, которому исполнилось двенадцать. Тот неловко отвел глаза. – Даже самый безобидный из нас может стать воплощением ужаса, и кого это постигнет, нам заранее знать не дано.

Тень печали мелькнула по лицу Винн, и она отвернулась. Теперь она снова обращалась к собравшимся в зале магам, и голос ее заметно смягчился.

– Если я сообщаю всем известные вещи, то лишь по одной причине: мы забываем, насколько мы исключительны. Не помним, почему другие люди боятся нас и что для этого страха есть веские основания. Мы видим только жесткие ограничения, наложенные на нас, которые кажутся нам воистину несправедливыми.

По ближайшим к Рису рядам пробежал озлобленный шепоток. Адриан, сидевшая бок о бок, побледнела от злости. Рис явственно ощущал, как она стискивает зубы, силясь удержаться от вспышки. Он и сам потихоньку закипал и, подобно ей, старался подавить гнев.

– Есть ли у нас другой выход? – продолжала Винн. И сделала паузу, дожидаясь отклика, но не дождалась. – Может быть, попросим разрешения самим, без помощи Церкви, надзирать за собой? Убедим народы Тедаса поверить, что мы не повторим ошибки тевинтерских магистров – промахи, которые уже не раз приводили мир на край гибели?

Теперь Винн держала посох перед собой, и его навершие окутала аура яростного огня.

– Или ринемся в бой? – Пламя запылало так ярко, что Рис вынужден был отвести глаза. И не только он. – Восстанем против наших притеснителей и докажем, как они ошибаются, недооценивая нас! – Слепящее пламя вдруг угасло, и в зале наступила мертвая тишина. – И что дальше? – прошептала Винн. – Даже если мы перебьем их всех, это ничего не изменит. Как и год назад, на Коллегии чародеев, я советую вам проявить терпение. Да, нынешний порядок вещей должен быть изменен... но если мы не покажем готовности идти на уступки, как нам ожидать того же от тех, кто нас и без того боится?

– Терпение?! – раздался выкрик, да такой громкий, что эхо прокатилось по всему залу.

Рис с немалым удивлением обнаружил, что кричит он сам. Оказалось, что он стоит стиснув кулаки, и теперь по залу пронесся слитный шорох более сотни мантий – все собравшиеся разом повернулись к нему. В том числе и Винн, которая сейчас разглядывала его, заинтригованно изогнув бровь.

– Чародей, ты хочешь что-то добавить? – осведомилась она.

Рис был по горло сыт ее кривлянием. Послушать эту женщину, так маги должны быть благодарны за то, как с ними обращаются... и при этой мысли его распирало от ярости. Тем не менее он вовсе не собирался произносить речь. Это уже второй случай, когда он не сумел удержать себя в руках: первый раз – в беседе с Лордом-Искателем, и вот опять. Будь он поумнее, промямлил бы какую-нибудь отговорку и благоразумно уселся на место.

Вот только это было бы... малодушием.

– Да, хочу! – наконец выпалил он.

Адриан смотрела на него с изумлением, но и с неподдельным восторгом. В конце концов, именно она прославилась в башне как главный возмутитель спокойствия. Скрежетнув зубами, Рис продолжал:

– Кто ты такая, чтобы учить нас терпению? У тебя больше привилегий, чем у любого из нас. Тебя не держат взаперти в башне, не загоняют по вечерам в спальню, словно малое дитя. Никто не грозит тебе Усмирением, если хоть на шаг отступишь от правил. Легко говорить о терпении, если не довелось пройти через то, что за минувший год пережили мы!

Раздались разрозненные хлопки – аплодировали главным образом Адриан и другие либертарианцы; Рис услышал и противников своего выступления. Кое-кто повысил голос, выражая недовольство, другие громко возражали – словом, шум в зале набирал силу. Винн подняла руку, и голоса понемногу стихли.

– Я действительно пользуюсь некоторыми привилегиями, – признала она, – однако же получила их за то, что много лет исполняла свой долг, а также как награду за участие в войне

с порождениями тьмы. Я усердно трудилась, чтобы заслужить доверие Церкви, а не сидела и ждала, когда оно само упадет мне в руки.

– А что сделали мы, если Церковь отказывает в доверии нам – тем, кто всю жизнь беспрекословно исполнял все, что ни требовалось? Почему за проступки немногих вынуждают расплачиваться всех?

На сей раз ему рукоплескали громче. Вернулся Первый Чародей и с обеспокоенным видом подошел к Винн, однако та покачала головой.

– И что же ты прикажешь делать Церкви? – под многоголосый галдеж обратилась она к Рису. – Спорить о процедурных тонкостях, когда, того и гляди, рухнет сама башня? Видишь ли, молодой человек, все мы в одной лодке, а потому каждый должен грести что есть силы, иначе течение унесет нас неведомо куда.

Рис хотел было ответить, но, перехватив выразительный взгляд Первого Чародея, передумал. Впрочем, сейчас это уже не имело никакого значения. Маги, сидевшие по обе стороны зала, повскакивали с мест; одни шикали, другие разъяренно вопили во все горло. Кто-то увлеченно хлопал, выражая поддержку Винн, кто-то яростно спорил с ее хулителями. Словом, в зале воцарился полнейший балаган.

Винн взирала на это действие с безнадежным видом. Первый Чародей Эдмонд что-то зашептал ей на ухо. О чем бы он там ни просил, но Винн с явной неохотой кивнула и направилась к выходу. Маги были так захвачены спорами и препирательствами, что и не заметили ее ухода.

Адриан, сидевшая с Рисом, встала. Она не принимала участия в развернувшейся дискуссии, но наблюдала за ней с мечтательным восторгом.

– Недурно сработано, – оценила она. – Я и сама не справилась бы лучше.

– Да уж, мой язык явно живет своим умом.

– А мне нравится. Почаще давай ему высказываться за тебя.

Рис с отвращением смотрел, как двое магов неподалеку принялись награждать друг друга увесистыми тычками. Один из них был либертарианцем, второй – из братства лоялистов, которых иногда называли прихвостнями Церкви, поскольку они проповедовали покорность и яростно сопротивлялись любым попыткам добиться независимости. Рис поморщился, когда забияки принялись опрокидывать кресла, вовлекая в потасовку окружающих.

– Ну, – сказала Адриан, – дальше можно не смотреть. Сейчас этой потехе положат конец.

Она кивнула на главный вход, и Рис, обернувшись, увидел, что в зал ворвались храмовники. Их было по меньшей мере десять, все с мечами наголо и уже с порога орали во все горло, веля магам немедленно разойтись по своим комнатам.

Юные ученики, многие из которых наблюдали за происходящим круглыми глазами, тотчас бросились исполнять приказ. Другие действовали не так поспешно, а потому храмовники устремились к рядам кресел и принялись подкреплять свои слова действиями – то есть хватать подвернувшихся под руку магов и выволакивать их на середину зала. Это породило всеобщую сумятицу: все маги толпой отхлынули от кресел, причем одни откровенно спасались бегством, а другие, вступаясь за собратьев, осыпали храмовников бранью.

Накал страстей в зале достиг точки, когда, казалось, вот-вот произойдет непоправимое. Рис задержал дыхание, почти ожидая, что сейчас кто-то пустит в ход магию, – достаточно одной искры, даже посоха, направленного на храмовника, и произойдет катастрофа. Противники будут вынуждены применить силу, и прольется кровь.

Этого не случилось. Порядок мучительно медленно, но все же был восстановлен. Рис остался там, где стоял, – среди нескольких старших чародеев, которые с тревогой наблюдали за вакханалией. Адриан покачала головой:

– Может, пойдём и мы, покуда храмовники не выволокли нас из зала?

Рис кивнул. Храмовники все прибывали, и маги уже безропотно позволяли сгонять себя в стадо. Буйные крики сменились угрюмой тишиной, в которой слышно было лишь клацанье шагов по мраморному полу. Когда Адриан и Рис протолкались через толпу, образовавшуюся в дверях, к ним подошел пожилой Усмиранный в серой мантии:

– Чародей Рис?

– Да, это я.

– Лорд-Искатель велел, чтобы ты явился к нему в кабинет. Я должен проводить тебя туда немедленно.

Рис и Адриан обменялись настороженными взглядами. Надо же, как быстро! Впрочем, он и вовсе не рассчитывал на освобождение, а потому не особо удивится, если его снова бросят в темницу... или что похуже.

– Я пойду с тобой! – решительно объявила Адриан. Судя по тону, спорить с ней было бесполезно.

– Дело твое.

Долгая дорога к кабинету рыцаря-командора, где сейчас обосновался Лорд-Искатель, напоминала путь на эшафот. С каждым шагом на верхние ярусы вокруг становилось все тише, словно башню окутал громадный саван. Казалось, что над головой нависла грозная туча. Ни один храмовник, встретившийся по пути, не удостоил их ни единого слова, и Усмиранный, шедший впереди, тоже предпочитал хранить молчание.

Рис на ходу склонился к Адриан и прошептал:

– Если храмовники решат наказать меня, дай слово, что не станешь им препятствовать.

– Ты спятил? Еще как стану!

– И дашь им повод заодно наказать тебя? Адриан, ты ничем не можешь мне помочь и другим тоже не поможешь, если угодишь в темницу.

Она насупилась, но ничего не ответила и всю оставшуюся дорогу упорно избегала настойчивых взглядов Риса.

Вскоре они вновь оказались в приемной. Второй раз за неделю – этот случай достоин хроник. Огромное окно на сей раз было распахнуто, и по приемной гулял ветер, приносящий неаппетитные запахи города, что раскинулся внизу. Вместе с ветром в комнату врвался холод поздней осени, и Риса тут же пробрал озноб.

Перед дверью кабинета застыли навтыжку два храмовника, так усердно изображавшие бдительность, что их страх заметил бы и слепой. По всей вероятности, страх перед Лордом-Искателем. Храмовники не обратили ни малейшего внимания на Усмиранный, который поклонился и без лишних слов выскользнул из приемной.

– Лорд-Искатель ждет только тебя, чародей, – заявил один из храмовников, грозно глянув на Адриан. Дыхание слетало с его губ облачком холодного пара.

– Я никуда не уйду, – отрезала она.

Стражник поколебался, затем пожал плечами. Он явно предпочел, чтобы Лорд-Искатель срывал злость на магах, а не на его скромной особе, и потому лишь распахнул дверь и отступил в сторону.

Адриан и Рис вошли в кабинет. Как и в прошлый раз, Лорд-Искатель сидел за столом, а рядом стояла сер Евангелина. Зато в кресле по другую сторону стола теперь расположилась Винн. Она тотчас же встала и окинула вошедших холодным оценивающим взглядом.

– Здравствуй, Рис, – негромко произнесла она.

Ну да, конечно, где же еще ей быть, как не здесь? И почему его это удивляет?

– Здравствуй, мама, – ответил он.

Если бы брови Адриан могли взлететь выше, они наверняка утонули бы в челке.

Лорд-Искатель откашлялся, вперив в Риса неодобрительный взгляд:

– Мне сообщили, что ты стал причиной беспорядков в парадном зале.

– Так меня поэтому сюда вызвали?

– Нет, не поэтому. Чародейка Винн пожелала, чтобы тебя после общего собрания доставили в этот кабинет. С чего бы еще, по-твоему, тебя выпустили из камеры?

При этих словах Рис опешил. Что ж, теперь все встало на свои места. Лорд-Искатель между тем перевел взгляд на Адриан и грозно насупился:

– Не припомню, чтобы она изъявляла желание видеть кого-то еще.

– Я пришла сама, – дерзко заявила Адриан.

– Ничего страшного, – перебила Винн прежде, чем Лорд-Искатель успел разразиться суровой отповедью.

Тот откинулся в кресле, побелев от едва сдерживаемого бешенства.

– Делай то, зачем пришла, – процедил он сквозь зубы.

Винн удовлетворенно кивнула и снова повернулась к Рису.

– Боюсь, вам обоим негде присесть... – начала она, обшаривая комнату взглядом, как будто лишние кресла могли появиться из воздуха.

– Ничего, я постою, – буркнул он. – Так в чем дело?

– Мне нужна твоя помощь.

– Помощь? – Рис украдкой глянул на Лорда-Искателя, затем на Евангелину, но на их каменных лицах не было и намека на подсказку. – Зачем тебе понадобилась моя помощь? И с какой стати я должен тебе помогать?

– Хочешь вернуться в камеру? – вмешался Лорд-Искатель.

Рис ничего не ответил, но внутренне содрогнулся от этой угрозы.

Винн кивнула с таким видом, словно и не ожидала иного ответа.

– Один мой старый друг, – сообщила она, – превратился в одержимого. Я намерена его спасти, а это означает отправиться в Тень и сразиться с демоном, который им завладел. Дело трудное, и в одиночку я с ним не справлюсь. Мне нужно, чтобы ты отправился со мной и помог провести ритуал.

Лорд-Искатель бешено зарычал и стукнул кулаком по столу:

– Ты не говорила, что заберешь чародея Риса из башни!

– Не говорила, пока это не понадобилось.

– Разве ты забыла о покушении на Верховную Жрицу? Этот человек замешан в заговоре, и я не могу отпустить его из башни. И не отпущу!

– Я знала, что такое может случиться.

С этими словами Винн запустила руку в карман белого плаща и достала пергаментный свиток с восковой печатью Церкви. Лорд-Искатель, озлобленно хмурясь, выхватил у нее свиток. Сорвав печать, он развернул пергамент и погрузился в чтение.

– Как видишь, – продолжала Винн, – Верховная Жрица дала мне полное право исполнять свою миссию так, как я сочту нужным. – Она едва заметно усмехнулась. – Я же считаю нужным взять с собой чародея Риса. Он, в конце концов, медиум, и его таланты мне пригодятся.

Словно не слыша ее, Лорд-Искатель читал и перечитывал пергамент. Крайне внимательно. Хмурое лицо его стало темнее тучи.

– Как ты раздобыла это письмо?

– Получила из рук Верховной Жрицы. Меня представил ей один старый друг.

Ламберт скатал пергамент и швырнул его на стол, как никчемный мусор.

– У тебя, как видно, много старых друзей, – злобно хмыкнул он. – И что же, я должен позволить тебе рисковать жизнью одного мага ради спасения другого? Что в нем такого особенного, в этом твоём друге?

Винн помешкала, обдумывая ответ.

– Он – Усмиренный, – наконец сказала она.

Рис от изумления едва не поперхнулся слюной.

– Что?! Это невозможно!

Лорд-Искатель тоже был потрясен. Прищурясь, он с подозрением уставился на Винн:

– Ритуал Усмирения навсегда рассекает связь мага с Тенью. Усмиренный не может стать одержимым – в этом и состоит главная цель Усмирения.

– И тем не менее это произошло. – Винн взглянула на Риса. – По словам Первого Чародея, ты много лет изучал демонов. Мой друг занимался тем же. Если он столкнулся с демоном, обладающим необычайной мощью, нам надлежит узнать, что представляет собой этот демон и может ли такое повториться в дальнейшем. Если же в данном случае не сработал ритуал Усмирения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.